

16

1931

СМЕНА

за **МНОГОМИЛЛИОННЫЙ** КОМСОМЛ

молодые ударники, ученики школы
ФЗу завода „мосэлектрик“, заводов

РОСТ КОМСОМОЛА

ЗОЛОТАРЕВСКАЯ БЕЛЛА („ДИНАМО“), ПРЯШНИНОВ МИХАИЛ („ДИНАМО“) и БЕСФАМИЛЬНЫЙ ДМИТРИЙ („АМО“) — МОЛОДЫЕ УДАРНИКИ, ВСТУПИВШИЕ В ВЛКСМ В 1931 Г.

...организовать **Массовое** вовлечение рабочей и колхозной молодежи в ряды ленинского комсомола, организовать их для активного участия под руководством комсомола и партии на всех участках великого социалистического строительства.

А. КОСАРЕВ. Из доклада на IX съезде ВЛКСМ.

— товарищ коньков просит принять его в комсомол... вопросы тов. конькову есть?

*заседание бюро комсомольцев Фаб. завода
„Москлетрикс“, пришло в ВЛКСМ*

пролетарии всех стран, соединитесь!

смена 16

литературно-художественный и общественно-политический иллюстрированный журнал рабочей молодежи
ОРГАН ЦК и МК ВЛКСМ

ответственный редактор С. КЭМРАД. художественное оформление варяжры СТЕПАНОВОЙ
Изд. ОГИЗ—МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ, адрес редакции: м. с. я. в. а. центр, большой чернышевский, 6, т. 5-67-03

10 июня 1931 года

Фабзавуч не только дает определенную квалификацию, фабзавуч воспитывает производственников-антивистов, ребочих-большевиков. Мы печатаем отрывки из «Дневника фабзайца» молодого пролетарского писателя Ал. Нондакова. В этом «Дневнике» показывается путь рабочего-подраста, который начинает свою «карьеру» с мелкого хулиганства на улице, затем в ФЗУ вступает в номсомол и постепенно становится примерным бойцом на фронте социалистической стройки.

Фабзавучник, ведешь ли ты свой производственный дневник? Присылай нам выдержки.

дневник фабзайца

ал. нондаков

ГОД
первый

10 июня. Вот и окончила начальную. Теперь целое лето мое. Обязательно нужно собрать денег на берданку. Буду бить ребячков и уток. А как достанешь денег? На берданку нужно 18 рублей, а на дробь и порох 2 рубля.

14 июня. Утром отец спрашивает:

— Что ж ты делаешь думашь?

— Не знаю,—говорю я.

— Сходи на биржу,—говорит он,—зарегистрируйся, а осенью крой в фабзавуч.

16 июня. Сходила, зарегистрировалась.

Нашел выход, где можно взять денег на берданку. Завтра пойду с ребятами копать жуки. Жуки — это мелкий чужок, который с землей вывозится из литейной. В день можно избрать несколько пудов. Жучник за пуд дает 2 копейки.

18 июня. Паршивое занятие копать жуки. Грязь, пыль. Наготаешься за день этой грязь — к вечеру еде ноги волочить.

Нет, надо поискать другой выход, а этим денег не скоро соберешь. А берданки в кооперативе очень хороши.

25 июня. Плавая я на жучников и жуки. Харкать я на них хотел. А берданочка в углу стоит — новенькая. А порох на окне лежит — фунт целый. А кошка с дробью возитесь, — возись, возись.

Около нашей церкви стояли два престола (Петру и Павлу). Огорожены они были бронзовой решеткой.

У отца моего поковка есть — новенькая, американская.

У двоюродного братишки Вальки — тележка железная.

Вальки мы ночью погреем и к жучнику эти решетки перевезу. Жучник сволочь — не отказался. Восемьдесят пудов всего вышло. На двадцать частей разрезать пришлось.

Партия небесное бромозовым решеткам. Петр и Павел и без них обойдутся, а мне берданка дозреть нужна.

Ну и побухаем мы теперь!

19 августа. Сегодня в учебном столе вывесили объявление: «С 25 сентября начнется отбор в фабрично-заводскую школу. Просьба...»

Я дальше и читать не стал. Выпросил у заведующего кусок бумаги и тут же написал заявление.

Примут ли? — вот вопрос... А об отце забыть придется.

25 августа. Заявление разобрали и приняли. Да и как не принять: отец — с 12 лет в литейной. Мать была работница, но сидит на пенсии. Из омы и не впис — тем сразу на хвост наступили, отчитали и на дверь указали. Поймали даже попенка. Лишнеец, сволочь. Из дальнего села приехал. От папани кадыльного, значит. Паренек из их села говорит: «Это попенка». Взяли в штыри — правда. Он как заревел: «Не трать богородичины слезки, говорю я, и всю — в ух».

Селезнев из завкома окрысился на меня: — Зачем бьешь? Разве можно так?

Вот чудак этот Селезнев. Как маленький. Понять не может, кого я ударил. Вел я ж попенка ударил, а не своего.

А своих, — разве своих бьют? Тут тоже нужно понятие иметь.

27 августа. Заявление подать, оказывается, мало. Для того, чтобы быть хорошим фабзайцем и на свое место попасть, надо иметь еще здоровые бычье.

Прислали мне повестку: «Предлагается явиться в больницу для обследования в литейной». Пошел. Подозреваю, а на крыльце уже все наши ребята сидят. Надоело сидеть — стали в орлянку жарить. Только поставили второй коп — аходит доктор: «Без толкоти — марш за мной».

— Разденьтесь, — говорит.

Разделись.

— Станьте в очередь, — говорит.

Стали. Стоим совсем голые. И удивительно мне: докторша одна ходит около нас — и ничего, не совестило будто ей. А ведь в очереди ребята стоят лет по 16—17, которые уже по несколько лет на заводе работали.

Ну, доктор, я должен сказать, — сволочь попалась. Вертит, как шкурник кобылу. Поставит около себя — по коленкам стукнет, перевернет, пальцем по ребрам чиркнет, руки пощупает и делает все это так, будто не будущий фабзайца перед ним, а бревно.

— Ребята, — говорю, — чего же мы смотрим? Давайте запротестуем. Что мы, звери, что ли?

— Ты лучше помолчи, — шепчет мне Илюшка Клевстов, самый здоровый паренек. — Он тебе так запротестует, что отсюда прямо домой пойдешь.

— Как так? — спрашиваю я.

— А так — признает негодным и все. Я сразу язык прикусил. «Нет, — думаю, — пускай вертит, как хочет, хоть вверх головой поставит, а я буду молчать. Чорт с ним!»

Доходит до меня очередь. Поставил он меня на маленький полочник и начал закуривать.

— Мария Ивановна, спрашивает он, — а сколько мы кузнецов отоборят?

— Двенадцать, — говорит докторша.

— Мало, А сдерей?

— Давать два.

— Ну, а ты куда хочешь? — спрашивает меня.

— К отцу, — говорю, — в Слесарную.

— А вот мы сейчас посмотрим.

И начинала меня вертеть. Послушал сердечке, легкое и говорит:

— С таким легким прямым сообщением в кузину.

А как пощупал руки, чиркнул пальцем по ребрам, сразу переменялся.

— Жидковат, — говорит, — давай кузни. Так и быть, валник откуй.

— Годен? — спрашиваю я (а у самого аж дыхание в печенку ушло).

— Годен, — говорит, — хоть сейчас на бой.

И смеется. Я кое-как натянул штаны, рубаху, — и домой.

28 августа. До занятий осталось немного. 1 сентября с утра пойдем в мастерские.

Утром с Илюшкой Кастовым ходили смотреть мастерские. Они недалеко от городского кладбища, на окраине. Осматривали их очень долго. По стенам идут верстаки с тисками (тисками мы насчитали 95), потом два ряда станков, и в середине мастерской тоже верстаки. Этот очень широкий, и над ним идет главный перегородочный вал. Мотор стоит в углу, огороженный деревянной решеткой. В другом углу умывальники и вешалка.

Осматривали мы мастерскую, конечно, в окно.

Вечером к отцу приставала с расспросами. Он мне начал объяснять, что такое микрометр, но я запутался, ничего не понял, и когда он спросил меня:

— Сколько будет, если головку повернуть два раза? — ответил.

— Двадцать миллиметров.

Он меня назвал дураком и стал читать газету.

«Обожди», — подумал я, — вот выучусь, я тебе нос утру.

Я тебе тогда покажу, какой я дурак.

ГОД второй

12 октября. Сегодня я Синезеркину заявил:

— Липовый ты секретарь ячейки. Неужели ты не можешь платформ достать? Ведь у нас в мастерской нехватка котлов, а в котельной от них прохода нет. Наробатай ребята, а вывезти их не на чем. Платформ нет.

Синезеркин затянул обычное:

— Этот вопрос надо увязать с секретарем партячейки. И потом уже...

Илюшка Кастов, присидевший со мною, зарев на него:

— Увязать, увязать!.. Мы тебя скоро самого на бюро увязим. Ему говорят, котлов нет, а он увязать! — Синезеркин окрысился:

— Ты не кричи, тут тебе не мастерская.

— На тебя мало кричать, — заорал Кастов, — таких били раньше. Мы вот сейчас к секретарю партячейки пойдем.

— И в идею, — делая спохобанный вид, сказал Синезеркин, — чорт с вами, идите. А платформы все равно не найдете. Что они, с неба свалятся, что ли?

Но секретаря партячейки мы не нашли.

— Идем, Кастов, в литейную, — сказал я, — может, где найдешь платформы. Имей в виду, если через два дня в механической не будет котлов, бригада Курочкина станет и месячная программа будет сорвана.

В литейную мы протиснулись боком. У ворот стояли платформы, груженные землей. В конторке мы поймали мастера и спросили:

— Много земли в мастерской?

— На сегодня чисто, всю вывезли. А скопилось много за последние дни.

— Сколько платформ сегодня вывезли?

— Восемь. Вчера двенадцать.

— А где они? У ворот только восемь стоит.

— Остальные со вчерашнего дня на складе.

— Как со вчерашнего? — изумился я. — Внере вывезли и не сбросили? Так, что ли?

— А чорт их знает! Мое дело сторона, — сказал мастер, — мое дело — выбросил ее из мастерской, а там уж не мое дело.

Я схватил Илюшку за руку, и мы чуть не бегом бросились через проходные к пруду, где свалили отработанную землю на дачейной. Двенадцать платформ стояли на рельсах — двенадцать незагруженных платформ, которые так нужны механическому цеху.

Мы вернулись к Синезеркину.

— Ну, как, нашли платформы? — насмешливо спросил он. — Конечно, котлы у завода боевая программа, когда каждый винтик на учете, платформы вывозятся на каждом часу. Так и должно быть. Вы сколько нашли — сотню или две? Очень хорошо. Очень...

Мы подождали, когда Синезеркин кончит, и как только он закрыл свою бездонную плавательницу, сказали:

— Не стоит, не две, а двенадцать нашли. А двенадцать платформ — двенадцать котлов. Но если ты сегодня после работы не соберешь десятка два ребят, чтобы сбросить землю с них — мы прямо заявим, что ты оппортунист и срываешь программу.

— Ярык наклеить хочите, — закричал Синезеркин, — ярык оппортуниста? Бузу затеять хочите? Что ж, побудим!

— Синезеркин, — сказала я как можно спокойнее, — через два дня у бригады Курочкина не будет ни одного котла. И сй богу, Синезеркин, если ты не соберешь ребят — я набью тебе морду и вся бригада мне скажет спасибо.

Я постучал по стоду кулаком, Илюшка потопал ногами, и Синезеркин заручкался, что в пять часов у платформ будет двадцать человек с лопатами.

Так оно и вышло. Ровно в пять мы начали работу и через два часа вся земля была сброшена. Через пятнадцать минут Илюшка пригнал кукушку, мы с песнями уехали на платформы, и она повезла нас к котельной.

18 октября. Сегодня Козел вызвал меня к доске по математике. Еле-еле решил. Но он не заметил — уткнулся в журнал, и пока я решал, не подвинул ни разу голову. Нужно обязательно подтянуться, иначе постирадаст и механика и сопротивление материалов.

О смысле комсомолки написал, поставил удовлетворительно. Я почему-то все время думаю, что он мне поставит весьма удовлетворительно. К завтрашнему дню нужно подготовить на бюро ячейки конспект доклада о проделанной работе.

1 ноября. Сегодня после работы была очередная история. Смена по сборке вышла на работу, а анкерных болтов нет. Мы уже вымыли руки, подкашивает Синеюков.

— У нас, случаем, нигде нет анкерных?

— Вот тот угол, — говорю я, — во вторую смену не работает. Работать не с чем. Палец вместо болта не вставишь. Беда, парен.

И убежал.

— Ребята, — спрашиваю я, — кто может анкерные болты отчить?

— А что в них хитрого? — говорит Алешка Пахомов. — Что это — коленчатый вал, что ли? Ведь это левое дело.

— Вот тот угол, — говорю я, — во вторую смену не работает. Займем все самочки в углу и по пятачку анкерных נתחום.

Пошли за заготовками.

— Синеюков, — кричу я, — через полчаса за горючевыми приходи — наточим.

— Вот охальники! — удивился Синеюков. — Вечно из дерьма конфетку состраивай. Приду, приду, а то хоть пальцем затыкай.

Только зарплатил, только пустили станки, подлетает отец Пахомова и набрасывается на Алешку.

— Ты что делаешь?

— Работая, папаша... Болт точу.

— Ты отработал свое время?

— А что с того, что отработал? Болты ведь сейчас нужны, а не завтра.

— Ну, коли отработал, так или домой.

И оттирает Пахомова от станка.

Мы к нему, и ну гадеть.

— Как тебе не стыдно, Пахомов? — говорю я.

— А чего же мне стыдно? Мой сын отработал свои шесть часов — ему тоже отдых нужен. А вы заставляете его сверхурочно работать.

— Никто меня, папаша, не заставляет, — говорит Алешка. — И ты меня не заставляй уйти домой — мы не где-нибудь, а на заводе.

— Вот ты тожарь, Пахомов, — кричу я, — снимай пиджак и становись за станком. У Синеюкова болтов нету — твои.

— Может, у Синеюкова еще чего нет? — спрашивает Пахомов. — Может, ему станок поддай? Дураков нет, свое время отработал.

И ушел.

— Ну и катись, — крикнул я ему вслед.

страна ДОЛЖНА ЗНАТЬ своих героев!

читайте в № 18
„смены“ очерки и
стихи о лучших
молодых ударниках

СТРАНЫ СОВЕТОВ

ВЫПИСЫВАЙТЕ
РАСПРОСТРАНЯЙТЕ

СМЕНУ

А. Бит
М. Мирингов
Бугер
Кабанов, Мороз
Бабанов
Хант, Д. Кашалов
Мед
Кабанов, Мороз
Бабанов
Мисневский, Гав
Корсаков, Д. Данилов

лицо!

тов. Шушанинов, преподаватель инструмента школы ФЗУ завода «Мосэлектрин», обучает неподдельно слесарного чеза

мих. голдберг

фото в. игнатович

Если бы наряду с геологическими картами, обнимающими тысячекратно населеия земли, существовали карты социальной геологии, надо было бы немедленно использовать материалы школы ФЗУ завода «Мосэлектрин». Понятно, что всякие разговоры о десятилетиях, веках и даже десятилетиях здесь неуместны: только две недели тому школа отмечала первую годовщину своего существования. Тем не менее, история школы до того насыщена разнообразными бурными событиями, произошло столько мероприятий человеческого материала, проведено столько ударных мероприятий, реализовано такое количество талантливых предложений, наконец, так часто менялись комсомольские секретари, что историк мог бы уже написать толстенную книгу под заглавием «Победы и поражения школы ФЗУ завода «Мосэлектрин». Том I».

Любовно раскрашенная диаграмма на стене в кабинете завшкolas тов. Хенина дает представление об основных социальных пластах ученического состава: детей рабочих — 787, детей служащих — 221, детей крестьян — 12. Зная эти цифры, вы еще очень мало знаете о настоящем лице школьной массы.

Каждый пласт состоит из множества тонких прослоек, то изрезанных жилами драгоценной социальной породы, то изломанных, испаряющихся какими-то отгравемиами сотрясениями, эти прослойки нестры, причудливы, бесконечно разнообразны.

Под одной рубрикой значится и бывший беспризорник, ноующий в ночлежном доме, и член многочисленной рабочей семьи — типичной семьи старого Замоскворечья, и сын колхозного механика, живущий в Москве у дяди-плотника, и балованная дочь хорошо зарабатывающего электроработника, и сирота, не помнящий убитого в гражданскую войну отца.

Сын дворянина учится в одной группе с сыном профессора. Сын бывшего раввина переноспитывается вместе с детьми пресненских дружинников 1905 года.

Истоки классовых групп, трудно уловимые струи которых сливаются в школе в один поток, залезают на различных глубинах общественной подоплоты.

Сын предтеги подает завлечение в комсомол. Приспособленчество или разрыв со средой?

Сын строителя заявляет, что при царе рабочим лучше жилось, чем теперь. Какая обстановка, какие люди, какие настроения продиктовали эти слова?

Дочь праичи наотрез отказывается вступать в комсомол. Что это — гнет семейных условий или политическая темнота?

Нельзя руководить этой массой молодого народа, воспитывать его, вести за собой, — не обладая обостренным социальным зрением, т.е. умением с классового точки зрения заглянуть в самое нутро каждого фабзавуча.

Фабзавуч получает в школе великолепное производственное и теоретическое обучение. На конвейере учебы (день теории, день практики) он, будущий кадровый пролетарий, складывается из самых добродетельных, дорогостоящих деталей. Он изучает технологию металлов и работает на токарном станке. Он прорабатывает политическую экономию и ведет общественную работу по рабочему снабжению. Он штудировать географическую карту и посылается в командировку на Магнитострой.

С первых месяцев производственной учебы фабзавуч уславивает культуру труда. Еще не покинув стен школы, он приобретает возможность работать на заводе и переходить из разряда в разряд. Ему обеспечена полная свобода творческого соревнования в группе: если можешь — обогнай товарищей, дай сто процентов теоретической программы¹ и переходи на завод! Лаборатории, книжные полки, кинокабинет, где ученики изучают ряд дисциплин, в сосредоточенной тишине киносеанса (фильмы по технологии, географии и военноведению), оборудованные мастерские, — все предоставлено фабзавучу. Он выйдет из школы знающим, умелым, культурным рабочим, каких никогда не готовили и сейчас не готовят ни в одной стране мира.

Решающее значение приобретает политическая осязка всей этой производственной и теоретической учебы, ее политическое углубление и осмысление. Школа фабзавуча — школа комсомола не только по происхождению, но и по содержанию своей работы, по своим методам и общественно-политическим установкам. Нельзя понять поставленной IX съездом ВЛКСМ задачи — вовлечь в ближайшее время 100 процентов фабзавучников в комсомол, не разгадав этот коммунистический профиль ФЗУ. Численный рост комсомольцев в ФЗУ есть качественный рост самих ФЗУ.

Еще недавно на тастуку учеников школы ФЗУ «Мосэлектрин» приходилось шестист комсомольцев. С организационной стороны комсомольская ячейка представляла собой тяжелую громоздкую машину, совершенно не укрепленную внизу, в группе, в бригаде, где пульсирует живая кровь школы. Все вопросы решались общешкольным бюро, заседавшим обычно по 4-5 часов.

Беспартийный фабзавучный судья и комсомолец по отдельному комсомольцам, с которыми сталкивался в быту. Эти комсомольцы-рядовики зачастую ничем не отличались от него. Они так же катались на буферах, как и он, так же курили и свекровносили, так же

¹ В школе старая балльная система оценок и оценок заменена замечательным, с нашей точки зрения, процентным учетом успеваемости каждого ученика: проработанное задание дает определенный процент в рабочем плане фабзавуча. Это вносит дух соревнования и пролетарской дисциплины в учебу.

шлился в соседний почтовый дом и пивную лавочку Моссоляпрома, а что касается производства и учебы, то нередко шли позан бес- партийных.

Не эти комсомольцы, разумеется, представляли ядро ячейки. В авангарде школы идет значительная группа вчерашних пионеров — прекрасных общественников и крепких производственников. Они — вожаки ударников. Но, несмотря на все свои качества, актив не сумел построить работу ячейки таким образом, чтобы она чувствовалась в школе как работа организации, как работа комсомола. Актив не изучал людей, не нацеливал различных групп в общей массе. Активисты плохо дружили с отдельными беспартийными учениками. А ведь психологическим тормозом выступления в комсомол фабзавна- сына протектарской Усачевки или Дубровского пассажа — зачастую была боязнь того, что активность эсугонит его при приеме: выддут множество политических вопросов и посадят в калашку. Десятки беспартийных именно поэтому и медлили с подачей заявлений.

Конечно, всякие психологические вопросы зрят к черту, когда завод выполняет пятилетку в два с половиной года. Беспартийный Свинкин вырывает листок из тетради и в окружении друзей старательно нажимает на карандаш. На листке появляются прямые уверенные строчки:

„Заявления. Мы, ученики группы 05, следуя примеру наших отцов и братьев краснопашенного завода „Моссолектриск“, коллективно выступаем в комсомол и облекаем эти задачи, которые будут на нас комсомолом возложены, выполнять так же, как наши сверстники молотарики. Селикин, Подубин, Кузнецов, Воронцов, Титов, Кополов, Славенкова“.

За этими семью — новые семь:

„Мы, беспартийные ученики ФЗУ, в ответ на победу рабочих нашего завода, выполнявших пятилетку в два с половиной года, решили поступить в комсомол. Мы считаем, что в настоящее время ни один фабзавнаучник не может оставаться вне комсомола. Мы хотим последовать нашему примеру всех ребят.“

Фридкина, Куянов, Кириллин, Золот, Усачова, Кузнецова, Гольцова“.

Заявления были оглашены на летучем митинге в школе в тот день, когда по заводу разнеслась радостная весть о досрочном выполнении плана.

В апреле 247 фабзавнаучники вошли в комсомол. Массовое вступление шло одновременно с реконструкцией всей работы ячейки. Впервые организационные цеховые ячейки объединили комсомольцев и беспартийных смежных групп. Новичок проходит цеховое бюро, цеховое собрание и, наконец, ячейковое бюро, совмещающее в себе в порядке единой линии и бюро, и районную ячейку. Если сейчас райком не задержит с выдачей билетов — оформление человека в комсомоле закончено. Но в Замоскворецком райкоме сидит тексерегистратор Титова, имеющая обыкновение терять каждый раз 5—10 анкет. И вот появляется категория так называемых «потерянных комсомольцев». Они ходят в ячейку, спрашивают о билетах, недоумевают, записки и первой выходят из организации, едва сделав первый шаг к комсомолу.

Огульный, оптовый подход к людям, о котором говорила на IX съезде тов. Кагановича и который все еще имеет место в целом ряде комсомольских ячеек, — вот рогаки на пути к превращению комсомола в массовоиндустриальную организацию.

Прощаева, секретарь цеховых ячеек № 1, дриблет в «кабинет заведующего школой и просит помочь ей... повлечь ребят в комсомол. Ей не под силу выполнить директиву бюро. Ребята не слушают, когда она предлагает записываться в комсомол, смеются, разбегаются: «А ну их к черту», — решает Прощаева, — все равно ничего не выйдет. Но Прощаева не знает социального лица своих групп. Она же может сказать что-либо конкретное ни об одном фабзавнаучнике.

Комсомолец из группы 011 Яша Ляшчик знает своих беспартийных товарищей. Он написал отчет о том, как работал по росту, как волею в комсомол Шуру Куньнова в Женю Трифонову: «На последнем уровне спрашиваю Шуру, где у него родители. — А что? — Да так, просто». — «Что отец — отец у меня был рабочий, сейчас инвалид и состоит в деревне в колхозе». — «А в 17 году нем он был?» — В 1917 году отец был на гражданской войне и в качестве красного командира». Тут не вплотную задает вопрос: «Ну как же ты не знаешь, что комсомольская организация — организация рабочей молодежи, защищающая ее интересы?» — «Знаю». — «А раз знаешь, то дело комсомола — это твоё дело. Родители твои рабочие и сам ты рабочий. Почему ты не идешь в свою рабочую организацию, где ты научишься на деле строить социализм, о котором так много говорят? Слышу ответ: «Да ну тебя, Яша ты все об этом, но ведь у нас есть такие ребята, которые, ну, не по-комсомольски ведут себя, играют в карты, валяются на биверах, да и потом в тоне эти грешники делом занимаются и будет трудно отминуть. Да в потом общественной работой нагрузят, а в футбол захочется поиграть — иде на собрание». Начиная доказывать: «Вот ты говоришь, что комсомольцы себя плохо ведут. Таких комсомольцев надо критик и исправлять. Ведь оно недавно вступили в комсомол. Начнет того, что ты политически слаб, так это неважно. Всякий комсомолец получает политическую закалку, работает в своем комсомоле. Тебе только надо понять, зачем ты идешь в комсомол». «Эта все так, а вот почему инстинкты у нас только трепачи, а дела никакого? Взять хотя бы Рудельсона — ведь ни черта не делает, а считается активистом». Обясняют, что Рудельсон не пример, что его комсомольским активистом а вождом считать нельзя, потому что он действительно трепач и ни черта не делает. И кончу занятая спрашиваю: «Ну как назидать?» Слышу Шуру ответ: «Давай

активу». Женяю обещает: — «Пусть Исконина вступит, тогда и я вступлю». Опять объясняю, что так нельзя, и Женяю томе заявляет активу»...

Но лицо товарища по-настоящему унахает только в деле. Пусть Шура Куньнов покажет себя теперь в борьбе за снижение месячной себестоимости фабзавнаучника, превращающей на 13 рублей плановую цифру. Пусть Женя Трифонов поработает в группе рабочего снабжения.

Нехватает инструмента? Расходуется длинный материал? Высока себестоимость продукции? Плохо увязан учебный план с производством?

на снимках комсомолец школы Фзу завода „Моссолектриск“ яша ляшчик, вставший в комсомол двух беспартийных — шуру куньнова и женю трифонову

НОВЫЕ
КОМСОМОЛЬЦЫ

Для комсомольцев ФЗУ «Москлетрикс» — это не только узкие места, которые нужно преодолеть в минимальные сроки. Это — поле битвы, на которое выступит пришедшее сегодня в комсомол поколение, выступит вся школа желающая получить имя ударной комсомольской.

Проверить, закалять людей на практическом революционном деле... Об этом всегда напоминает шестидесятилетний Василий Яковлевич Шушпанников, производственный инструктор, один из героев «Москлетрикса», награжденный орденом Трудового красного знамени. Баррикадный боец — большевистский боевик Шушпанников, вышедший на костылях плечах в свое развитие русского производственного капитала, хочет передать фабрикам не только свое замечательное мастерство старого мастера. Он хочет научить идущую смену умению видеть, понимать и ценить каждого товарища, хорошеночно знать его с ног до головы, помнить об его слабых и крепких сторонах. Это умение выис Шушпанников из революционного подполья.

Он, старик, завидует этой молодежи. Если бы он так учился! А ведь ему за шестьдесят три года жесточайшей эксплуатации,

любое, голода, тюрем, лишения не удалось даже такому научиться писать. Слесарному делу научил его слесари Волынкин в городе Кирсанове — это был строгий человек, который раз десять в день хватал подручного Васку за волосы и молчаливо обводил вокруг себя.

Сейчас Василий Яковлевич обучает молодежь в слесарном цехе. Знают ли фабрицы настоящую правду о прошлом? Могут ли охватить умом происшедшую гигантскую перемену? Все ли дружно идут в комсомол?

— Это волнует Василия Яковлевича. Его крепкая сутловатая фигура часто появляется в комнате комсомольской ячейки.

— Ну, сколько принял? — спрашивает он секретаря комсомола Бермана.

— Осталося сто пятьдесят человек, Василий Яковлевич. Мы уже почти можем считаться комсомольской ударной школой.

— Погоди, погоди... строго говорит Шушпанников, — сначала докажи на факте...

Но Василий Яковлевич явно фальшивит. Ведь он, в сущности, нисколько не сомневается относительно оставшихся ста пятидесяти.

а как же иначе?

б. рунаевский

«Я болен», — заявляет Мельников, — и потому в комсомол вступить не могу». В чем дело? Разве прикомандован могут быть только атлеты? Разумеется нет. Имя всей рабочей молодежи. Имена должны стать многонациональной организацией. На некоторые комсомольские группы «руководители» не изучают бесархивную молодежь, не работают с ней, благодушно полагаясь на то, что «все образуется». Оперуристическая ставка на самотек — главная причина слабого выполнения решений IX съезда о росте по рядам организации.

На заводе «Красный пролетарий» положение с ростом «сравнительно благоприветно». Но в так немало возможностей для дальнейшего роста организации. Вечером «А как же иначе?» поднимаются вступившие в комсомол ребята и остаются вне его рядов. Вне комсомола остаются зачастую даже ударники. В то же время приводимые в очередь факты доказывают, что решения съезда на «Красном пролетарий» могут и должны быть осуществлены полностью.

Десять миллионов — вот та цифра, которую эдья пидераов назвал на IX съезде Косарева, говоря о будущем, близком будущем комсомола. И какая-то часть поля бурьбы за эти миллионы находится на «Красном пролетарий», вот здесь, в его цехах, на его застенках молодцев, в его школе ФЗУ. Самый завод особыми победами похващается покамест не может. Но в школе из 700 фабзачек — 570 уже вошли в будущие десять миллионов.

До ста процентов далеко, но все же процент высокий. Его следует объяснить. В какой-то мере его объясняет кривая роста: 1 января — 188, 1 февраля — 340, к 1 апреля уже 540, и сейчас 570 комсомольцев из 700 фабзачек.

Как? — вот вопрос, вызываемый этой бегущей вверх линией роста (она не заслуживает названия «кривой»).

Как добился этого завод?

Много значит, конечно, то, что если парень сегодня подал заявление, а сегодня, скажем, 15-е, то 20-го он на заводе уже с комсомольским билетом. Но это не все. Вот что произошло с Белькиным. Белькин парней на Запече. Раньше на Запече много было таких парней. Запече — название выразительное. Запече — место в старину известное.

Что делал Белькин на Запече до восемнадцати лет?

Хулиганил.

Все сложное и, надо думать, мало приятное прошлое этого некогда «запеченовского парня» скрывается под этии сведениями. Но, помимо этого основного своего занятия, Белькин, без всякого ущерба для своего неограниченного досуга, состоял на бирже труда.

И вот послала его биржа в фабзачку на «Красный пролетарий». Завод от Запечи ружон подать. Заводские живут на Запече. Запеченские — доходят до завода. На заводе Белькина знали. Оттого и пришел Белькин в фабзачку хмурым. Он не надеялся услышать от заводских ничего приятного.

Ничего приятного ему и не говорили.

Вместо этого, его выдвинули секретарем цехкома. Белькин сначала удивился. Потом

задумался. Потом стал работать. Работать надо хорошо. Особенно, если соревнования и если его организует цехком. Секретарь цехкома Белькин работал хорошо.

Сейчас Белькин председатель цехкома. Комсомолец. — Ну, конечно.

«Имямид комсомолец — хороший производственный. Имямид хороший производственный — комсомолец».

Погода тому назад комсомольцев на заводе было 478, и дозуг этот не был осуществлен. Он и сейчас осуществлен не вполне, хотя комсомольцев тысяча двадцать: не все хорошие производственники — комсомольцы.

Насонов не идет в комсомол. Насонов — токарь высшей квалификации. Насонов — бригадник 23 бригады, лучший производственной бригады завода. У Насонова нет такого цепкого прошлого, как у Белькина. Но вот Белькин — уже работает хорошо, работает в комсомоле, а Насонов в комсомол не идет.

Почему не идет в комсомол Насонов? По всей вероятности, сам Насонов лучше всего смог бы ответить на этот вопрос. В этот вопрос нет ничего постыдного для Насонова.

Насонов долго не отвечает. Он еще ниже наклоняется над вытчаиваемой деталью и молчание его так же непрерывно и уклончиво, как бегущая вьось тонкая стальная стружка. Но когда умолкает автор, выключенный для того, чтобы проверить отбочку детали, молчание становится настолько огудным, что продолжать его трудно. И тогда Насонов говорит еще уклончивее, чем он до этого молчал.

Разве я один? Есть ведь еще беспартийные ребята. А я — за мной дело не станет. Вот пообучусь, пообудую, да и...

Он снова находит прибежище своей смущенности в рокотании вьюченного мотора. Он действительно смущен. Насонов — хорошему производственнику — неслучайно, что ли еще не в комсомоле. В этом большая победа комсомольцев «Красного пролетария».

Они — комсомольцы — знают, почему Насонов не в комсомоле. Причина не в том, что Насонов не обучался.

— Обудать-то он обудал, да компания у него болшо уж такая.

Какая такая компания у Насонова — понятие.

Имя — если комсомольцы возьмут Насонова в работу, то Насонов будет в комсомоле. И может быть уже сейчас он находится в кармане заявление, написанное без всякого участия его «такой» компании, но под огульным влиянием тысячи комсомольцев завода.

И напрасно другой ударник, один из лучших ударников завода, Мельников уверяет: «Вот поправлюсь здоровее, а тогда и в комсомол».

Когда смущается Насонов, когда отводит глаза Мельников — ясно: им неважно перед Анинским. Перед Анинским, который погода тому назад впервые в жизни оставил свою деревню, перед Анинским, который работает на заводе всего только три месяца. Перед тем Анинским, который не имеет повода выказывать смущение: он — тысяча двадцать. И он просто отвечает на вопрос, который пришел в смущение и Насонова и Мельникова.

— А как же иначе? — отвечает Анинский на ходу, разнося инструменты и спеца на зов токаря.

Анники и Белькин приходят в комсомол. Насонова и Мельникова уклоняются. Но и тем и другим место именно в комсомольских рядах. И если комсомольское руководство не будет полагаться на самотек, то так и будет.

Насонова и Мельникова должны быть в комсомоле. Как же иначе?

**двинем
единой лавиной,
чтоб в наших
стройных колоннах
было
не три с половиной, а**

**десять
миллионов**

ползут подерживая инвалидные шифры. А вот на полыхающих радостно щитах в марш выстроилась колонна переполнивших. Цифры крупные и блестящие, словно в пожарных касках. Весь поселок следит за показателями. Есть свои герои. Имена их знают все, как имена знаменитых писателей и ученых. Есть «юродивые», безнадеежные прогульщики, их тоже знают, на них показывают пальцами.

Производительное совещание. Говорит хозяйственник, маленький человек с душкой лысины на пухлой голове и сонными выпуклыми глазами на голем лице.

Словечки мокрые, голые, но гладкие и пухлые, как их владеет, выскакивают из розового болотца рта и пожевываясь куда-то конфузливо убегают.

— Мне бросили, — говорит он, — серьезное обвинение в оппортунистическом благодушии, в саботаже машин...

Человечек потееет и волнуется. Кончив говорить, он садится мягким задом на свое место, вытирая белым, очень белым платком лицо.

— Дайте, теперь я скажу!
Поднимается шахтер, большой, как Коптох, но лицом жестче.
— Так вот я с чего начну. Прямо с факта. Поставили нам конвейер. Стали собирать. Решетки не соответствуют один другому. Что это? Головоломство? Чье? Дальше. На машине № 10, шахта № 12, врубовые есть, но нет буров. Мелочь, а из-за этого простой. В восьмой лаве — из-за потери фазы и розетки 12 часов стояли врубовые машины. Забыл механизировали, а откатка вручную. Несмотря на это, наша ударная лавка на гору 105% добычи. Потому у

меня предложение: каждая шахта должна иметь один тип машины. Разные создают большие неудобства.

Следующий.

Старик. Глаза завернуты в складки прокопченной углем кожи:

— Я вот, братишки, того... насчет, так сказать, механизации. Почему это на забое ручном четыре целковых с двурывненным за упряжку? Отбойщик на механизмах забойщик. Три рубля с гривенником — это не дело. Ежели, так сказать, механизация, то ты людей зальекай. Не в своих интересах говори. Забойщик и! — Старик улыбається, морщины с лица сползли и не стало старика.

То же крепильщик на ручном участке.
— За упряжку 3,20, а на механизированном органичик — 2,85. Вообще и так дае! Во, и боле ничего!

А за ним говорит Костя, говорит красиво и сильно. Петька слушает его, чувствует, как в горячем рту вздрагивает от нестерпимого хотения говорить и их. Вот он подымается на трибуну. «Товарищи», — говорит звонким голосом Петька, — мы ликвидировали очереди у кооперативов, мы пообомали крылья летунам. В атаке ударничества прогулы падают замертво. Мы...» Воисте Петька не говорит, а сидит себе в третьем ряду и ждет еще только своей очереди.
Собрание продолжается. День сияет, обаявшись густым и горячим, как украинский борщ, солнцем. В окна заглядывает синее, очень синее небо. Хозяйственник отирает пот. Ну, конечно, саботаж механизмов будет сломлен. Послушайте орадераного оратора. — И того, кто выступал перед ним, и того, кто будет выступать после него. Эти-то уж не подгадят!

ХОЗЯЙСТВЕННО

г. ирейтан

Хватая пространство разбегом колес,
Неся свою службу отлично,
Он честно работал, большой паровоз,
Но только он был —
Обезличен.

Бригада бригаду сменяла в пути
Ной-кан, по наземному, вло,
Спеша поскорее на отдых пойти,
А дальше — и гора мало.

Он был без ухода, и месяцы шли
Поход уже не был напорист.
Он часто больной, весь в грязи и пыли
Теря драгоценную скорость.

И что-то в нем стало хрипеть и
звенеть,
Простуженное жестоко.
Опаздывать стал он. И хлопок и
шерсть
Не смог перебрасывать и срону.

Он графини пугал.
Стал еле ползти.
Его останавливал ветер.
Бригада бригаду сменяла в пути,
И не был никто в ответе.

Померили зеленые стрелок глаза.
Нрушеньями транспорт напичкан...
И партия, взвесив все против, все за,
Сказала:
— Долой обезличку.

О новом гудни по дорогам трубят.
Иная работа присела.
Бригада взяла паровоз на себя,
Най нужное трудное дело.

Нам дело большое, родное, свое.
— Нелезный товарищ, здравствуй.
Сегодня бригада до света встает,
Сегодня бригада бригаде сдает
Свое подвизное хозяйство.

Бригада бригаде сдает паровоз,
Нам верного друга и брата.
Он нефти немало сегодня увез
И к утру вернулся обратно.

И прежде чем вымыться и на покой
(Хоть отдыху будут рады),
Хозяйственным глазом, хозяйской
руной
Осмотр производит бригады.

И к вечеру вышел он снова в путь
И вымыт, и сыт, и почищен.
И воздух взрезает железная грудь,
И поршней взлетают ручища.

Нак птица, проментор летит впереди.
И поезд с ним скоростью мерится,
И четко стучит в паровозной груди
Здоровое крепкое сердце.

И рельсы по-новому стали звенеть,
Встречая колесный ронот.
Доставлены будут
И хлопок, и нефть
Хозяйственно,
точно,
к срону.

Тифлис.
1931. V

неприступные

бастии

первомайский репортаж

Юрий Жунов

парад

С вечера читались. Бралась на учет каждая пуговица, каждый крючок: на парад «чернозёмцы» должны войти в образцовом порядке.

На утро тула, за исторический бульвар, на Куликово поле движутся темно-синие звенья боевой мореходки, ступившие сталью зеленая пехота, вздымают пыль кавалерийские соединения и громохаты, давящая камни мостовой, тяжёлая артиллерия.

Трибуна в людском океане — оевой рубкой.
Товарищи, гляди, гляди! Сейчас пойдут!
Тысячная колонна одесских ударников, прибывших на теплоходе «Абхазия» к гостям краснофлотцам, проявляет живейший интерес к парад.

В поднебесье взмывает бойкий марш многоголосых сводных оркестров. Объединенный полк начальствующего состава открывает церемониальный марш. За ним движется дивизия крейсеров.

ТЕМП — 120 шагов в минуту.
ЧЕТКОСТЬ — ряды в потюк.
АККУРАТНОСТЬ — форменки пригнаны с злогощичи.
Необозримое поле разворачивается в марше. Проходят батальоны морской пехоты.

Бравый Урал! Пролетарский Севастополь приветствует вас!

вахта в ночи

- Подолье.
- Скорее в камбуз! Дудки боцманов зовут к обеду. После такой «солдовой» прогулки, как церемониальный марш, чортовски развивается аппетит.
- — 50 процентов команды спящих на бегер — приказ к маидра корабля по экипажу.
- — Есть 50 процентов!
- Улицы расцветают тысячами белых бескозырок. Флот сегодня «выходной».
- В каюбах, на кораблях, в красных уголках — торжественные вечера, смычка с шерфами, премирование ударников. Шерфы, прибывшие на корабля из Харькова, Сталино, Одессы, Прилук, Макевизи, знакомятся с каждым винтиком сложной механики флота, с каждой мелочью карабельного бота.

Над рейдом распевадается полуденная ночь. «Профитера» дравет ночь угрюмыми путями ночных прожекторов. Бухта вспыхивает голубым заревом. Мачта бодрствующе на рейде громады плывущих крейсеров.

вечные «красной зарезы»

Ваз в году перде советскими кораблями открываются двери Босфора. Тяжелые крейсера и легкие миноносцы отдають традиционный визит иностранным портам. Советских моряков-истречают с кислою миною накрахмаленные дипломаты и уснащенные наряды полиции, охраняющие чужой берег от вечной «красной зарезы».

На заре XX века русские барышники от дипломатии из лекных стратегических соображений всучили в жены греческому принцу одну из многочисленных великих книг. На свадбу в Пирей для устранения неснастных греков привели бронзовую эскадру Черноморского флота, дресированных в страхе божьем матросов опытно спиртом и выпустили на берег. Варебизи пивные моряки, близкий приловчившись к незнакому обстановке, организовали грандиозный погром, после которого в рабочих кварталах не осталась камия на камие. Так состоялось первое знакомство греков с царскими флотом.

...Ловкие шутеры умеют замечательно передергивать карты. Разыскав в дряхлом архиве воспоминаний эпизод с великокаянская эскадры, хитроумные греческие политики сейчас же поспешная переизменяют его так:

— Граждане Пирей! Вам памятен ужасный погром, учиненный русскими разбойниками! Страшители! Из Черного моря к нам охоты лавяут русские корабли! Страшные большие вилки готовятся пронизать еще более ужасный погром. Прячьтесь. Это отчаянные бандиты, обещанные пулеметными дентами, оброрщенные бородами и жаждущие крови...

В Пирее должна была остановиться советская эскадра. Газеты трижды обманывали рабочих, проверяя сроки прихода кораблей. Хридли от надридного крика, истекая гралями потоками дурно пахнущей клеветы.

— Не верьте своим глазам. Командир и краснофлотцев дружина только на берег. Это — для пропаганды. В триюмах советских матросов истязают и вешают.

— Чорт! Матросы! Не верьте своим глазам. Это вовсе не матросы, это — переодетые офицеры. Они ходят в матросской форме исключительно в целях пропаганды.

...В Неаполе рабочие упорно просили краснофлотцев показать... зубы. Когда эта странная просьба была удовлетворена, ра-

бочие облебенно вздохнули: газеты их уверили в том, что в большебиков от уснаженного потребления человеческого мяса вырастают огромные зубы.

И все-таки в день прихода «Черной Украины», «Шаумана» на пристань «сбежали» тысячные толпы пролетариев, подстергавших дымок на горизонте. Они пришли, чтобы рукоукосать красноному вымпелу.

Угрюмый туман сплетен рассеивался сразу же, как только советские моряки сошли на берег. Тогда наступала жаркая пора для жандармов: нужно было наскоро арестовать и увести в тюрьму несколько тысяч рабочих, жаждущих встречи с краснофлотцами.

случай из прантинки

Моряки «Черной Украины», приглашенные на банкет советским консульством, под звуки марша Буденного шагают улицами Константинополя.

Исключительная выправка, аккуратность и четкость шага вызывали бурный восторг экспансивных турок. Но вот на углу одной из узеньких улочек Перу с колодной красных моряков погустела драдильная эмигрантско-царский генерал в обрванном ламаксах.

Генерал гнинул на краснофлотцев, схватился за сердце, потом весь передернулся, взяв под козырек и хриплым, дрожащим голосом крикнул куда-то в толпу:

— Смир-р-р! Россия идет...
И как-то ссутунувшись, генерал присел на тротуар, заплакал навзрыд.

Жалкий, выжиженный из ума старик! Тебе не понять, что Россия затоплена на дне Черноморья и Балтики вместе со спланными за борт офицерам. Тебе не познать механики советского флота, создавшего вытупую в мире технику личного состава. Ибо эпоха прошла мимо тебя, выброшенного бедошным щенком на чужой берег, как прошла в тот день по улице Перу ударная дивизия краснофлотцев.

крейсер в клинике

Крейсер, вздымая махлястий вал адезюющих вод, в последний раз развернулся в бухте, подошел к стенке и отдал швартовку, чтобы стать в ремонт: за год тревожных скитаний в близюких и дальних водах позноиснавшие механизмы, стали покрываться подшпильники и дурить турбины.

Корабль отдал швартовы. Заргмела якорная цепь. Походный вымпел дрогнул и, заколебавшись, пополнил вниз, оголая мачту.

полудрайд...

За высоким паралетом хилый завод спрячал убожество своих цехов. По заводскому двору толпами бродили вчерашние мелкие хозяйкины, сегодня впервые пришедшие на завод. Администраторы, сидя в конторе, уныло целялись косячками очков и завалили, что ремонт корабля не может быть окончен ни одним днем раньше 15 мая.

«Сачки» путали детали, додырничали и портили работу. «Сачки» во флоте — ругательное слово. «Сачки» — додирь, разгильдяй, прорывщик. И в первый же день ремонта краснофлотцы, с досадой, вспомяли, как прекрасно в прошлом году была проведена ремонтная кампания в Николаеве, подлаяи шум:

...Полудрайд! Не дадим в обиду корабль! По рукам «сачков!» Крейсера должен выйти в море 1 мая и итн далее поуже...

...Так начался замечательная эпопея под названием «ремонт крейсера «Червона Украина».

машины молодеют

Далеко за полночь, когда рабочие покидают корабль и вахтенные спуют ночь сплотно, оберегая крейсер, — где-то глубоко в триюне воизитя у токарного станка краснофлотец Кузьмин.

С него грядом катится пот. Ему нелегко дается наука. Но он решил в то что бы то ни стало постичь тайну токарного искусства, чтобы приять активное участие в ремонте. Еще ночь... Еще... И Кузьмин превращается в запряженного мастерового.

Горнист Васильев по сути никакого отношения к машинам не имеет, но он отдает ремонту все свое свободное время. А хозяева машины — Киреев, Луквинович, Буричнев, Йодис — те дни и ночи проводят у машин: в дни, когда сердце у крейсера вынуто и положено на операционный стол, — в эти дни думать об отдыхе?

неслыханные рекорды

От берегов знойной Анатолии темно-синими морскими долинами шла веза. Малахов Курган зеленел молодыми травами и в садах расцветали абрикосы.

Горды и сильный брат «Черной Украины» — Профитер, шустрые миноносцы и даже гигантская плывущая крепость «Парижская Коммуна» уже вышли из клиники, завершив зинный курс лечения, соксребри за бортов ржавчину и копыт и унеслись в голубые просторы.

А «Червона Украина» все еще стояла у стенки. Неповоротливые «сачки» на морозада не собирались ускорять темп.

И тогда, чтобы избежать провала, славная третья рота, которая к 1 мая шла без единого проступка и в которой было премировано 60 процентов личного состава, — объявила боевой аяр. В трюмах, на палубах, в судовой мастерской — всюду ошущалось биеение пульса эпохи. Биеение, недоступное людям, в чьих жилах течет холодная кровь и кто предпочитает жалкие рыбачьи катеры могучему крейсеру.

На борту корабля родились неслыханные рекорды. Магистраль, которую рабочие морозада укладывали за пять дней, краснопотцы уложили за два дня. Радисты выполнили свой план за 41 день до срока, а электрики отдали ремонту крейсера 1300 человеко-дней, сэкономив 7 000 рублей. По всем частям, по всем командам доидяса могучий вал ударных рекордов...

«В каюте великого 1-го мая омоложенный крейсер расплодился с мало гостеприимной клинкой, задымил всеми своими трубами и, положив на рубие зной-ост, умчался в пробный пробег.

наши университеты

Над бухтой высится одетый камнем Экипаж, корпуса которого — как бастионы невиданных крепостей.

Их построил век тому назад патриарх российской жандармерии Николай Палкин. Сквозь строй мрачных казематов Экипажа прошло сто поколений матросов, муштрованных в зуботычных, плетях и шпалрутах. В дни, когда над бухтой крещали ветры вольнодумных идей и в кубриках вспыхивали бунты, в те дни на реях кораблей висли страшными гроздьями трупы, зашитые в мешки, а на палубе лежали «Спаси, господи, людей твою» и секли каждого десятого.

В пятом году Экипаж осканис баррикадаши, заговорил языком пулеметов и мостовая под ним завалила кровлю.

А сейчас, когда солнце, сорвавшись с ваты, падает в море, краснопотцы машинной сошки и многих иных школ Экипажа идут в свои клубы, на стенах которых выжжены огненные слова тов. Фрунзе:

«...от Белого до Черного моря, через воды Саваши и святое кровь Перекла мы с чеством пронесли славное и великое знамя Октябля».

В клубах учатся будущие механики, трактористы, организаторы колхозов и будущие инженеры, которым после демобилизации идти в рынок, в институт, в университет.

И здесь, в огромных корпусах Экипажа учебный отряд, здесь верные университеты краснопотцев, где они проходят школу перед приходом на корабль.

За годы службы военмор обьяван овладеет не только техникой, но и политикой, ибо в политике гвоздь сегодняшнего дня и политика неразрывно, неотъемлемо связана с техникой. И потому...

Разрешите отгрупповать.

... массовое районизаторское движение в морских силах Черноморья стадо силой, в

огромной степени поднимающей боееспособность Красного флота (тов. Мухадевич, начальник военно-морских сил РККА).

И рапорты. Первомайские рапорты.

Крейсера. Тов. Боголепов.

На крейсерах с 1 января по 20 апреля поступило 684 районизаторских предложений. За 8 дней, с 20 по 28 апреля, поступило 1 000 предложений. Полногипа предложений проведена в жизнь. Общее количество районизаторов на крейсере до 300 человек. Эсминцы. Тов. Диванни.

С 1 апреля по дивизиону эсминцев поступило 311 предложений. 40 процентов этих предложений уже проведено в жизнь.

Подводные лодки. Тов. Йок.

Поступило 381 предложение. 211 проведено в жизнь. 31 процент личного состава охвачен районизаторской работой. Тридцать Викторских изобрел прибор по торпедному вооружению, который дал сотни тысяч (сотни тысяч) рублей экономии...

... Военно-воздушные силы охвачены соревнованием на 86 процентов. И в целом по флоту только за последние 4 месяца внесено 3 500 районизаторских предложений.

высшая мера

Музыканты отложили на стороны инструменты, голубой от тысяч синих воротников зал настороженно застыл, боясь проронить слово коренного и сильного человека.

Командир крейсера, размеры слова, говорил:

«... Высшая мераказан у нас во флоте выветися зачение приказа, клявиемого проступки краснопотца, на торжественном собрании военморов. Если и эта мера воздействия не поможет, — перед прорывником одна дорога — трибунал...»

Тогда вперед вышел старком и зачитал приказ о худшем разгидаем и сачке на все «Червоний Украина». Липатове, который за три месяца ухитрился дважды деобиворить во время отпуска, дважды пьянствовал и нарушал правила внутреннего распорядка.

Голубой зал был погружен в гжеалуую тишину, а в голке нервно подергивался, стораля в неожиданном румянце, краснопотец Липатов.

И были еще приказ...

«Красноармией Крейману за образцовую политическую работу во внеурочное время объявляется благодарность»...

Так делается дисциплина на советских кораблях.

Когда багровый солменный диск утопает в море и горизонты пылают пожарами, в розовом мареве вспыхивает одетый камнем Экипаж, омоложенные корпуса которого, выветися над бухтою бастионами несокрушимых крепостей.

Те бастионы — неприступны.

Севастополь

На борту «Червоний Украина»
Май

равняйтесь в военной работе

на лучший комсомольский военно-учебный пункт № 1 бауманского района!

12 в первых числах мая в окрестностях москвы комсомольские военно-учебные пункты бауманского района соревновались по определенным видам военного искусства. первенство по всем видам получила пункт № 1. а с и н и к е: отдых после похода

а. Д.

Капиталистический мир охвачен железными тисками экономического кризиса. Вот уж скоро два года, как мировой кризис совершает свой путь, охватывая страну за страной, отрасль производства за отраслью производства, не только не останавливая своего шествия, но наоборот—усоряя его. Никогда еще капитализм так ярко не разоблачал сам себя, свою несостоятельность, никогда столь убедительно не демонстрировал свою ограниченность и только исторический, преходящий характер (Маркс) своей системы производства.

Миллионы людей пухнут от голода, гибнут голодной смертью, а горы пшеницы не могут быть проданы; капиталисты скупают сотни тысяч тонн хлеба. Склады капиталистических предприятий ломятся от тяжести хранимых в них товаров, а миллионы массы во всех странах, находящихся во власти капитала, раздуты, раздеты, бедны, голодны. Буквально на каждом шагу находят подтверждение слова «Коммунистического манифеста» о том, что современные фабрики-заводы капитализма не могут обеспечить своим рабам-пролетариям даже самых жалких, самых мизерных, самых нищенских средств существования.

Сам буржуазия вынуждена идти на горькие, разоблачающие ее признания. Почти год назад (4 октября год был годом расширения и углубления кризиса) немецкая либеральная «Zeitung» следующим образом рисовала состояние капиталистического мира:

«Во всех культурных странах миллионы не имеют работы и не могут удовлетворить самые скромные жизненные потребности. В то же время в САСШ и Канаде лежат в элеваторах 6 миллионов тонн пшеницы, а в Ла-Плате миллион урожай не может быть продан. Сливком много хлеба в мире и все же миллионы голодают. Куба задыхается в запасах сахара. Бразилия—в кофе, Япония—в шелке, Голландская Индия—в каучуке, Австралия—в шерсти, Румыния—в ячмене, Новая Зеландия—в масле. У шахт выдвигаются гигантские горы угля, для которого не знают, как найти применение. Хлопчатый рынок в таком застое, как никогда прежде. Во всех фабриках мира ежедневно новые массы рабочих получают последний копейку с заработной платы и исключаются из перетертого процесса национального производства».

Вот она—действительность капиталистического «энергетического строя производства! Вот она—характеристика капиталистического хозяйства, выходящая за пределы всякого воображения!

Как ни ярок эта характеристика, она далеко не исчерпывает всей картины капиталистического мира. Она не говорит о том, что не только в хлебе, сахаре, хлопке и масле, но и в средствах производства—машинах—задыхается капитализм. Она не говорит о катастрофической банкротности этого безумного «строения» капитализма в экономической «подопле» (пасаж «Манифеста» начинается с одной из глав Соединенных Штатов в 1930 г. почти полностью миллиард долларов, а то время как за последние 30 довоенных лет цифра эта составляла 380 миллионов долларов). Она не говорит, далее, об усилении остроты разногласий между отдельными группами капиталистов, вызванных скачущим уменьшением общей суммы прибыли, и об усилении остроты противоречий между отдельными империалистическими государствами, в первую очередь—из-за рынков сбыта перепроизведенных товаров. Она, эта характеристика, не говорит, наконец, о громадном росте смертности, самоубийств, преступлений среди трудящихся масс, не говорит о том, что под влиянием перхотливой нищеты, сверхобычных бедствий массы революционизируются, толкаются на «последний и решительный бой».

Кризис распространился по всему капиталистическому миру, хотя и не достиг еще своей высшей точки. Есть лишь одна, единственная страна, которая не только не охвачена кризисом, но в которой происходит невиданный никогда в истории человечества бурный рост производительных сил. Но эта страна не принадлежит капиталистическому миру: она составляет социалистический мир, противоположный капиталистическому.

Кризисом охвачены только все страны капитализма, но и все отрасли хозяйства—правда, за исключением одной, а именно: военной. Военная промышленность в империалистическом мире никогда не знает ни кризисов, ни упадка, ей известен лишь подъем.

Капиталистические кризисы не есть нечто неожиданное, не есть нечто свалившееся как снег с головы. Еще в прошлом веке Маркс и Энгельс показали, что кризисы при капитализме неизбежны, что капитализм сам порождает кризисы, показал, что кризисы являются бурным производственным кризисом против капиталистических производственных отношений, железным обручем сжимающих их.

Капиталистическая система вся целиком построена—отсюда из остроты противоречий. В процессе за прибалом,—единственной целью капитала и его движущей пружиной—капитализм все шире и шире развивает производственные силы и, следовательно, все больше и больше расширяет господство капиталистических производственных отношений. Тем самым развитие капитализма воспроизводит на обширнейшем пространстве все те же противоречия капиталистической системы и, прежде всего, решающее противоречие между общественным характером труда и частным характером присвоения (см. программу Коминтерна). Именно благодаря этому решающему

противоречию капитализм, как говорит Маркс, «встречает в своем развитии предел всей неумолимости складывающийся в кризисах перепроизводства».

Капитализм все время равнялся от кризиса к кризису и через кризисы. Энгельс в своей книге «Анти-Дюринг» пишет, что через известные, определенные промежутки времени весь промышленный и торговый мир, все производство и обмен в капиталистической области «сходит с рельсов».

И тогда:

«Торговая останавливается, рынки переполняются массой не находящих сбыта продуктов, излишние деньги исчезают из обращения, средства уничтожаются, фабрики останавливаются, рабочие лишаются всяких средств к существованию именно по той причине, что они произвели эти средства в слишком большом количестве; банкротства следуют за банкротствами, аукцион сменяется в аукцион».

Такова описанная Энгельсом картина кризисов капитализма эпохи свободной конкуренции. Современный кризис не является «обычным, нормальным» кризисом, как хотят его изобразить социалфашисты. «Современный кризис является самым глубоким, самым обширным кризисом в истории капитализма. Экономический кризис переломается здесь с аграрным кризисом, непосредственной причиной которого является хроническое превышение предложения с.х. продуктов над спросом».

Глубина кризиса, обостряющая в еще большей мере все противоречия капитализма, истощающая его силы, определяется прежде всего тем, что он происходит на базе всеобщего кризиса капитализма.

Ход кризиса варьировал разбит так называемую теорию «организованного капитализма», левыми которой явились неумеренный меньшевизм и правые оппортунистический капитализм, как это сейчас еще раз доказывает каждому днем, каждому часом экономического кризиса, не устранив ни одного из противоречий капитализма, а наоборот—усложняет и обостряет их. Империализм,—писал Ленин,—«спусывает» со свободой конкуренции монополию, но устранив обмена, рынка, конкуренции, кризисов и т. д. империализм не может. Именно то сдвинув противоречия друг другу—начал—конкуренция и монополия—и существенно для империализма, именно оно и подготавливает крах, т. е. социалистическую революцию» (Ленин, собр. соч., т. XX, стр. 297).

В чем капитализм ищет выхода из кризиса? Прежде всего этого выхода буржуазия ищет в направлении «слабейшего звена» в цепи, на путях дальнейшего закручивания налогового пресса, на путях дальнейшего усиления колониального гнета. На этом пути буржуазия добивается дальнейшего уменьшения покупательной способности населения, и следовательно—не смягчения, а обострения кризиса перепроизводства.

Или выхода из кризиса за счет трудящихся, за счет колониального и Советского союза, капитализм видит,—как это отметил последний пленум Исполкома Коминтерна,—«как безудержной политике экспроприации и депривации, к обострению борьбы за мировую гегемонию, к усилению подготовки новых империалистических войн и военной интервенции в странах Европы». Но в какой мере этот выход из кризиса капитализм ищет? Через океаны крови по мостам из костей трудящихся, через горы трупов пытается выкарабкается из экономического кризиса капиталистический мир. Но тем откровение показывает капитализм свое истинное лицо, тем полнее разоблачает себя в глазах и в сознании трудящихся масс системы гнета, эксплуатации и кровавых войн. Тем сильнее революционные процессы среди рабочего класса капиталистических стран и угнетенных народов колоний.

35 миллионов безработных (поимно неучтенных безработных в деревне и колониях), громадная так называемая скрытая безработица, ужасающее обнищание пролетариата, разорение высокими налогами, кредитными платежами, восточными импортами, долгами миллионов крестьянских хозяйств,—все это открывает глаза самым политически отсталым слоям трудящихся. Перед глазами безработных, брошенных на капиталистическое дно; перед глазами рабочих, шено которых с каждым днем все туже и туже «сжимается» стискивающей зарплатой и повышающей инфляцией; перед глазами крестьян, разоренных и повергаемых в нищету; наконец, перед глазами колониальных трудящихся, давивших двойным прессом: империализма и «своего», национального капитализма—со всей отчетливостью обрисовываются две системы, два мира: капитализм и Советский союз. Трудящиеся массы уже на опыте знают: можно жить без капитализма, можно жить в условиях свободного гнета. Пример Советского союза воле не имеющего безработицы, неутомимо повышающего жизненный уровень трудящихся масс, выводящего деревню на социалистическую дорожку, говорит всем трудящимся: нельзя мириться с дикой системой гнета и голода, эксплуатацией и нищеты—с проклятой системой капитализма.

Или диктатура буржуазии—или диктатура пролетариата. Перед таким решающим выбором,—сказал последний пленум Исполкома Коминтерна,—ставятся трудящиеся массы всем ходом, всем развитием «классовой борьбы в условиях развертывающегося мирового экономического кризиса».

Ряд фактов: обострение стачечной борьбы, движение безработных, революционное движение в колониях, расширение влияния советов в Китае и победы китайской красной армии, усиление политического и организационного влияния крупнейших коммунистических партий (в Германии, Китае, Польше, Чехо-Словакии и мн. др.)—говорит о неуклонном усилении предельно революционной тенденции и о нарастании перехода экономического кризиса в кризис революционный.

Трудящиеся массы делают свой решающий выбор: против диктатуры буржуазии, за диктатуру пролетариата.

Страну коммунизма строя,

молодые рабочие, выступавшие в кон-
ПОЛЯНСКИЙ НИКОЛАЙ (АМО), ФИЛАТОВА МАРИЯ (АМО), ПАВЛОВ НИКОЛАЙ (АМО), ГРИШИНА АННА (АМО), ГЕРА-
БОВИН ИВАН (ФЗУ—Мосэлектрис), ВЕСЕЛОВА НАДЕЖДА (ФЗУ—АМО), ШЕННОВА ЛЮДМИЛА (Мосэлектрис), НОВАЛ-
ГЕРАЩ АЛЕКСАНДР (ФЗУ—Динамо), МИЛОВИДОВ ВИКТОР (Динамо), ГЕНДЛЕР МИХАИЛ (АМО), ОБ'ЕДНОВА АЛЕНСАН

ряды комсомола УТРОИМ!

ФОТО В. ИГНАТОВИЧ

он песни IX съезда ВЛКСМ:

ОВ ФЕДОР (АМО), АНИМОВ ИВАН (АМО), МИХАЙЛОВА МАРГАРИТА (ФЗУ—Дача),
О ИВАН (Мосэлектриск), ИРАЙСБЕРГ ДАВИД (Дача), МИРОНОВ АНАТОЛИЙ (ФЗУ—Дача), ДЕНИСОВ ИВАН (Дача),
(Дача), БУРИСТРОВ ДМИТРИЙ (Дача), ИСАЕВ ИВАН (ФЗУ—Дача), ФИЛИППОВА ЕЛИЗАВЕТА (Мосэлектриск)

война и мир

очерк первый

Таунус, это горы около Франфурга-на-Майне. Всколмленные на высоту выше километра места. Вроде Питигория на Кавказе, с той только разницей, что в Питигория горы вскнуты со степной приоды бывшего морского дна и потому кажутся очень высокими а здесь это все постепенное.

Главное сходство с Питигорьем в том, что Таунус также богат целебными источниками. В нем лежат немецкие Кисловодки, Железноводки и Питигорски—Висбаден, Соден, Сельц (отсюда «сельтерская» вода) и десятки мелких горноудов, промышленных горным воздуху, прохладой лета, еловой тишиной лесов.

В одном из таких городков, Кенгштейне, мне довелось лечиться.

Я долго искал в этом городе настоящих молодых пролетариев. И не мог их найти. Была прислуга в санаториях, но то были крестьянские дочки, усердно принашивавшие марку к марке, набирая на приданое для жениха, который был уже где-то назначен в далекой баварской деревне. Вмесье собраной, они ходили в дни отпусков на танцулы, в кафе, сопровождаемые своими «шацими» (шаци—по-немецки «скороходы», так назывались их временные ухажеры). Из печатных произведений читали только католический молитвенник. Слова «профсоюз»—не знали, профсоюз им заменял католический церковный приход, слова «партия»—болелись.

Были в городе, казалось бы, рабочие. В синей запыленной проездежде сидели они вдоль залушки асфальтов улицы, били молотами в шебель и вмазывали в выбоины черной дымившей асфальт. Но когда коловальня ударила обделенный час, они стаскивали с себя проездежду, под которой оказывались затуженные бранки и крахмальный воротничок с аккуратным галстуком, и шли обладать к себе в предприятня, на котором выдвигалась соответствующая вывеска.

Перед канкулами в многочисленных пансионках коповились печники и штукатуры, облицовываа плитками ванные комнаты и прикручиваа шноривым голубым ниселем краны, но и они на поверку оказывались ремесленниками с собственным инструментом и крадетком у фирм. Они брали подарку. У них были собственные домишки, купленные в расщелку, и на аккуратных зеленых жалюзи этих домиков висела надпись «сдаются комнаты».

За прилавками лавок, за машинками портновских заведений, у бензновых коловнок танков (мест, где можно починить, почистить и завести машину), орудуали сыновья, дочери, тети, — словом, члены семейств этих малых владельцев и предпринимателей.

Городок был царством мелкого ремесленника. Пролетариат был не здесь.

Пролетариат был в нескольких километрах—в той стороне, где у неба вечно неоглаживаемый корчячатый край.

То был город Хехст, предместье Франфурга, выросший вокруг коловальных химических заводов треста ИГ Фарбен.

Во время войны этот город-завод был одной из главных газовых баз Германии, и так как отсюда до французской границы

самолету долететь ничего не стоит, его всю войну держали под облаком искусственного тумана, создавая его из пара, дыма и газовых отбросов, шедших по трубам завода.

Сейчас облака нет. Сейчас есть нестерпимый запах индустриальной формы и тусклый налет на всех материалах, которыми пользуются в этом городе.

Собственно неправильно говорить — город возник около фабрик. Они неотделимы. Это один сплошной механизм. Вернее—одна фабрика. И так же как у фабрики есть склады сырья, топлива полуфабрикатов, так и жилия рабочих—это только склады живых мышц и нервов, нагретых до 37 градусов Цельсия и размещенные в зависимости от нужд производства дальше или ближе цехам и конвейерам. Где между двумя конвейерами или несколькими цехами осталась неиспользованный кусок земли, туда, в порядке последней очереди, распыкивали людей.

Инженеры и директоры не живут в Хехсте. Они сюда приезжают из Франфурга. Здесь обитают люди двух категорий: мастера и обычные рабочие. Мастера живут в особняках. Каждый особнячок на одну две квартиры. Кругом садик. Целыми усадьбами тянутся эти особнячки. Каждый мастер держится, так сказать, в индивидуальной упаковке.

Дома для рабочих—обычные многоэтажные, многоквартирного типа. Никаких мезонинов, никаких палисадников. Хватит обычных городских насаждений. Из жилищных этажей бьет витринное освещение, тут и частные лавочки, все эти колбасные, сигарные, сырные, одежные, мелочные; или же крупные «конкусы»—кооперативы. «Конкусы» по-существу представляет собою тоже один из цехов завода. Цех по обработке вышлаченного жалования.

Как при флотации металлической породы к масляной пене липнут крохи металла, так и здесь к пене товаров прилипают рабочие деньги, чтобы в значительной части своей вернуться в кассу завода. Ибо владельцы завода являются и главными пайщиками кооператива.

Это не только в Хехсте. Так же строил вся города-заводы Крупп. То же Эссене, Дюссельдорф, Дюлебург.

Автомобиль несет улицы. Однотипные здания выставлены наружу. Глубокие проходы выносят рабочих из недр этих зданий на улицу. Идут минуты автомобильной езды. Кончается квартал, перерезаемый поперечной улицей.

Завод кончился? Ничего подобного. Над улицей крытая галлерей на железных фермах. Никакие улицы не в состоянии прервать гигантского заводского конвейера, тянувшегося на километры, переходящего от одних печей к другим, идущего газгольдерами, холодильниками, лабораториями, выработывающими подчас самые неожиданные продукты.

Вот идут автотраки, где выработались садовы-растворы. Вот гордая надписи «неметаллический бензин» отмечает новые машины завода, где добывается искусственный бензин. Новая горющая часть здесь ловит из воздуха азот и превращают его в удобрения. Здесь выделение «торговня воздуха» перестает быть шуткой и становится самой что ни на есть реальностью.

Изобфурит, асфальтин, асфрин, бром,—это только начало длинных списков заводской продукции.

В этом городе-заводе работает 15 тысяч пролетариев.

Сначала я, наивный чужестранец, думал, что в городке Кенгштейне нет никакой общественной жизни. Не считая же благотворительных общества и нередко собирающиеся городское самоуправление за общественную самостоятельность?

Когда я заметил об этом старожило, старожд обиделся: — Помилуйте, как так нет общественной жизни?—И в ближайшую же субботу я оказался вместе с ним в помещении «Бундотеля».

В большом зале по направлению к эстраде тянулись длинные столы. Спина к спине вплотную сидели люди, и порожало, что кельмеры противоречия убивками анатомию, хитрили, сползавшись в толщину игровой карты и проносить над человеческими глазами надеться на каждый падеж пивные кружки или напитки дешевым ревеням вином бокала, по форме напоминающие наши вазочки для варенья.

Мягкий воротничок моей цветной рубашки чувствовал себя пристыженным великолепием осветительного крахмала, поддвигавшего шейные жары, обалченных в черное мужичи. Женщины были в лучшем, что у них есть. Здесь была весь цвет города. Местный трубочник, настоящий аниматографический красавец, сидел со своей танцевальной партнершей, дочкой содержателя кафе. Тут сидели артистки и продавцы грамофонных пластинок, владельцы бензиновых танков, часовщики, мелочные лавочники, молочники, конфекционеры.

Юные сыновья будоличков и распыльные гостицы, которых я так часто встречал на велосипдах с большой корзиной над передним колесом, одетые в сплавочные ниже колена шаровары (они здесь называются штанами «никбекер» и стали сейчас повсеместно, впервые родившись у английских игроков в гольф)—эти юноши, глядя на спортивную осанку и солидность, охаживали девушек и мрачно взглядывали на чужаков, заветных в этом городе пациентов санаториев, если те чем-нибудь привлекали внимание их девчат.

Словом на первый взгляд в Бундотеле шло не о приеме, не то банкет, точь в точь как эти банкетки изображаются на фотоиллюстрациях бульварных журналов.

Единственное, что выдало профессию, были руки, тронутые кухонной краснотой и копытю черной работы, с короткими, трудом обдуманными ногтями.

Но еще теснее, чем в зале, было на эстраде. Перед задником, коловальным средневековым площадку, годную для пахотной примерно постановки «Фауста», лютый пирамидой были спрессованы серьезные люди в сунке и крахмале и, возвышаясь над людьми

неиништейн — один из мелких городишек татуша, представляющий горным воздухом, прохладой лета, вловои тишиной лесов...

как шпиль, стоа, раскинув руки, капельмейстер. То был юбилейный концерт местного певческого общества. Люди пели усердно, двгая кодымами и поддавая такту топчками шей. Особенно старательно они делали пианиссимо; словно грубыми пальцами кузнецов подымали бабочку за крыло.

Песни были про Рейн, про вино, про друзей, про девушек и про родную. В этих песнях остановилось время. У песни были блаженно-детские улыбки идиотов. Ведь идиот — это взрослый человек, не переставший быть годовалым ребенком. Люди умеренно пили, пропуская сквозь себя уже ставшие неощутимыми сусально-сентиментальные мелодии.

Благодаристность нарушилась только раз: в коридоре, ведущем в зал, на стой, где уже стоял повараж в белой возвышенной шапке, наполненной воздухом, вскарабкался человек с пьяными глазами и головой, выбитой над ушами. Услышав в одной из песен несколько раз повторенное слово «хеймат» (родина), он бурно зааплодировал, закричал «хеймат» (да здравствует) и был немедленно свержен со стоа сердитой хозяйской гостиницы, которую обидел не столько чересыерный темперамент и патриотизм, сколько вред, произвешный мебели. Потом хор ушел со сцены и начался спектакль: невероятная цепь уходов, приходов и объяснений, при чем непрерывно пелась народная песня.

Этот мюзикл из народных песен был сочинен капельмейстером, а играющие и певшие горожане были буквально приделаны обидям выпавших на их долю обязанностей. Им надо было в костюмированном и загримированном виде ходить, что-то делать со своими руками, затем выпевать какие-то слова и придавать этим словам выражение. Тут я понял, почему даже тренированные оперные певцы держатся столбами — нельзя разбегиваться. Одно из двух, или хорошо петь, или выразительно двигаться.

Исполнители в Бург-отеле, выходя «на пролетие», неожиданно выказывали какие-то ключа закулисных страданий и местничества. Например, одна явно обиженная девица соизволила только ненадолго изуститься из-за худышки в спортивной сядлаа мелодический выговор крайне обиженным тоном своему партнеру. Однако, слова этого выговора обозначали признание в любви.

По окончании спектакля началось самое торжественное. На эстраде посадили в кресла двух длиннородных старцев и объявили, что старцы эти празднуют сегодня 50-летний юбилей своего пребывания в певческом обществе. Местный и общедетрой комитеты обе-

ства поднесли старцам грамоты, зачитали приветственные письма и возложили на их грудь медали.

Капельмейстер растрогался. И хор немедленно запелся в несложном многолетии.

Старцы сильно подыкали дела буфетчика. Снова зазвывались кельнер, пронося живыми ущеельми непроливаемые бокалы и звеня стеклом. Бюргеры пили за старцев, за хор, за капельмейстера и друг за друга. Жены их говорили про спектакль терминями «прелестно», «милдо», «очаровательно».

Общее мнение было, что второе певческое общество пострамлено в конце. Корреспондент местного «Вурстблатта» («Кобального листка»), — так в мелких городишках называются газетки-ведомости, — набрасывая пламенный фельетон с тонким анализом программы и ее вылащения.

Горожане были довольны на все сто. Сердца билась в унисон, аккомпанируя празднику добнорядочных удовольствий. Фальшивый только календарь над пивной стойкой. При чем тут эта неуместная цифра 1931, когда все, от занавесочек на окнах, от стоежого крахмала воротничков, от метущих под парадных юбок до доброго качественного пива, цоказывало совсем другую цифру; ну, примерно, 1875.

Впрочем, зачем я напомнила эту бастакную цифру? Не надо. Мир. Мир. Гражданский мир и беспартийное пианиссимо певческого общества.

читайте
в № 17
„Смены“
следующий
очерк
сергея
третьякова

... то были престыжные дочери, усердно принаплавившие наруку к миру, вобрав на приваде для жениха, который был уице гда-то именован в далекой барварской деревне...

В ИСПАНИИ

ГОРЯТ

МОНАСТЫРИ

Д. Лебедев

В № 13 „Смены“, в статье „Единый выход“ была показана работа комсомола в Испании до свержения монархии. Сейчас положение в Испании резко изменилось. Правительство, состоящее из буржуазных республиканцев и социал-фашистов, по примеру короля Альфонса XIII — расстреливает коммунистов и рабочих, борющихся за уничтожение капиталистического строя.

Массы громят монархические газеты, требуют разоружения жандармерии и полиции и поджигают монастыри. Промышленные центры охвачены всеобщей забастовкой.

Тов. Лебедев в очерке „В Испании горят монастыри“ поназывает испанских комсомольцев на другой день после свержения монархии. Немногочисленный испанский комсомол, которому предстоят грандиозные классовые бои, уже в первых схватках поназал себя верным и стойким борцом за дело пролетариата.

Это началось 10 мая. Один из социалистических ботунов, которому буржуазия на время революции доверила свои финансы (вернее лаяла очень бережливо), заявил за день до этого:

— Коммунизм в Испании не проникнет. Рабочие Испании умеренны и добродораочны.

Утром 10 мая добродораочные рабочие Мадрида камнем притыкнули в редакции монархической газеты «АБИ», восхвалявшей «лагораузм» социалистического министра. В вечер того же дня Притыко, — так звали министра, — коротко объяснил представителям печати:

— Рабочие Испании умеренны, но их совраждают коммунисты, проникшие в Испанию из СССР.

И хотя дурачки иногда очень полезны буржуазии, этому дурачку не хлопала даже буржуазия.

«Вспомните, господин министр, — писал корреспондент твердого английского листа „Дейли-Мейль“, — судьбу Керенского. В три часа ночи, когда партия Притыко призвала демонстрирующих рабочих разойтись по домам, а они отвечали ей свистками и камнями, Притыко заявил твердолобому корреспонденту:

— Под влиянием большевиков рабочие Испании с каждым днем становятся все менее умеренными и добродораочными. В это время на Пласе дель Торос — главной площади Мадрида — пылал огромный костер: комсомольцы вместе с рабочими-демонстрантами жгли собранные по всему городу монархические и поповские газеты «АБИ» и «Эль Дебате».

Десятого мая в Мадриде демонстрировали десять тысяч людей. Эти десять тысяч несли коммунистические знамена. Социал-фашисты пробовали уговаривать демонстрантов, — их прогнали с позором.

Социал-фашисты заявили правительству:

— Именная церковь останутся неприкосновенными.

Это значит: 200 000 попов и монахов, 5 000 монастырей, 18 35 000 церквей и соборов будут, как и раньше, отирать третью

часть народного дохода, в то время как миллионы крестьян будут задыхаться от голода и безземелья.

Демонстранты несли требование:

— Пять попов из Испании!

В этой демонстрации было немало рабочей молодежи: ее привели комсомольцы. Испанский комсомо — маленький отряд: в годы фашизма каждый, кто носил комсомольское звание, мог легко прогнуться с жизнью. Зато социалистическому союзу молодежи фашистский диктатор Примо де Ривера послал приветствия, для его съездов правительство предоставляло помещения, а делегаты получали льготный проезд по железным дорогам. Комсомо не имел и не хотел иметь льготный билет в фашистский рай. Отважная группа его членов довела до революционных дней нерушимую классовую ненависть к капиталу. Рабочая молодежь поняла это и пошла за комсомолом.

Ребята шли на демонстрацию с керосином. Тысячи взрослых и молодых рабочих шли по улицам испанской столицы, держа в руках керосиновые бидоны.

Зачем? Демонстранты молчали об этом, но от этого керосина у попов мороз пробежал по коже. В Испании в большом ходу советские нефтепродукты. Кто знает: может быть, керосин, который несли мадридские комсомольцы, был советского происхождения? Попробуйте после этого отрицать, что СССР не вмешивается в испанские дела!

Что до нас, то мы будем очень рады, если советский керосин, зажеженный рукам испанского комсомольца, будет хорошо гореть. Товарищи бакунин, вот где надо, чтобы качество продукции не подкачало.

Когда гора «АБИ» и «Эль Дебате» сторежала до конца, оставив на площади смрадную кучу пепла, демонстранты пошли к казармам гражданской гвардии. В 1917 году такую «гвардию» в России называли

ваги белой. В Испании ее называют гражданской гвардией, хотя от этого она ничуть не стала менее подлой, чем русская.

1-го мая безартильные Барселона вышли на улицы и требовали работы, гражданская гвардия стреляла. В тот же день рабочие Мадрида демонстрировали против монархического заговора, — гражданская гвардия тоже стреляла. Через день в Мурсии и Севилье рабочие требовали закрытия монастырей, — гвардия разнузданных убийств отвела на эти требования синдем.

Утром 10-го мая в Мадриде было собрание, на котором обсуждались кандидатуры в будущую урядовую. Бывшая придворная чехид не решилась пойти на это собрание. Она прислала туда своих сынов. Распранченные, в расшитых золотых мундирах, украшенные значками Альфонсо XIII, монархические недоросли явились требовать возращения на престол каганского короля.

Молодежь предложила им убираться: они продолжали свое. Слово за слово. Наконец ребятам надоело терпеть эти обнаглелые смоты и они засучили рукава. Комсомольцев было мало, — пришли на выручку рабочие. Прометарский кулак был здоров, и череп дивторных синдем стал трещать, как орехи, а пыльные костюмы были чисты, чисты измазаны грязью и пылью.

В Испании сейчас жарко, — и не только потому, что в Испании жаркое лето. Температуру революционной борьбы ничем не измеришь, а она поднимается с каждым днем. Стрел разгорелись, фронтальные веревки пустились в ход, револьверы и обозначенные рабочие начали докрякивать.

— На фонарь их!

Сынкам бывших палачей пришлось бы очень не сладко. Вот тут-то их и выручила гражданская гвардия. Она бросилась на демонстрантов, отбоя монархическому комодеж и увела ее в своих каретах. Правда, рабочие успели кое-кому из этой гвардии здорово наказать шею.

Целый день потом гражданская гвардия озерело бросалась на демонстрантов и разногоя их стрельбой и дубинками. После демонстрации не один десяток рабочих угодил в больницу, а десятки других — отравился в тюрьму.

Могли ли рабочие, могли ли испанские комсомольцы терпеливо сносить бесчинства обнаглелых белогвардейцев?

10-го мая на знаменах демонстрантов всюду было написано:

— Разоружить гражданскую гвардию!

Социал-фашистский вождь и министр де-Лос Риос заявил правительству:

— Социалисты — сторонники порядка. Порядок поддерживает гражданская гвардия. Социалисты — против разоружения гражданской гвардии.

Поздно ночью рабочие подошли к казармам гражданской гвардии. В толпе, которая остановилась у ворот этих казарм, было много комсомольцев: они несли знамена красных фронтоников — первого боевого союза испанских пролетариев. Фронтоники имели не только знамена, они имели и кое-какое оружие. И когда гражданская гвардия открыла стрельбу по демонстрантам, фронтоники тоже ответили ей выстрелами.

Огонь залпа обжег толпу, и демонстранты бросились врассыпную. Они спрятались в ближайших домах, за углами, за деревьями и стодами улицы. Снова залп. На сером асфальте улиц зарыбился труп демонстрантов. Струйки крови поползли по мостовой. Испуганные люди с криком бежали в подвалы, таща за собой ревущих детисек.

— Оружия, оружия!

Нельзя же голыми руками драться с вооруженными до зубов белогвардейцами.

— Оружия!

В толпе, что штурмовала казармы, комсомольцы были сплоченным боевым ядром. Они по команде ушли из-под выстрелов белой гвардии. Они сохранили дисциплину, не бились в кучу, не бросились в подворотни.

У рабочих чесались руки. Они посылали проклятия социалистам, которые, вооружив буржуазно, оставили безоружным пролетариат. Они развели бы белогвардейские казармы, если бы им в руки дали оружие. Но оружия не было.

Как стон неслось по всем улицам:

— Оружия, ору-ужия!

Тогда комсомольцы ринулись достать для своих отцов то, что у них отняли социал-фашисты.

Нью, узенькими переулками, стороной от площади, где дробью зылок гвардия гнала каменные плиты улиц, незаметно пробирались комсомольцы.

За казармами — склад оружия. Их не ждали здесь. Горсточка храбцев, вооруженных только энтузиазмом и комсомольской волей, бросилась в ворота. Но правительство республики, расстреливающей рабочие демонстрации, — как могло оно оставить без охраны склады оружия? За воротами склада притаились отряды войск и полиция.

Офицер, командовавший войсками, присягал королю, присягал республике. Он готов был присягнуть самому чорту, лишь бы тот спас его от рабочего восстания. В Испании, где на каждые десять солдат приходится один офицер, армия всегда служила верой и правдой королю, духовенству и капиталу. Офицер приказал стрелять.

Ребята готовы были броситься в бой без оружия. Но офицер увидел, что нападающие — молодежь, что их мало и что они без оружия. Он выбросил на улицу свою полицейскую кавалерию. В блеклом свете лунки беснувшись пашаши, зеленели их маски запугали лица. Конные бандасты с гиком набросились на молодежь.

Комсомольская атака была отбита.

Этого надо было ожидать. Ребята бросились в бой прежде-

временно. Одним комсомольцам не сделать революции. Когда в бой

пойдет весь пролетариат, когда руководство вооруженным восстанием возьмет на себя партия, никакие заслоны не удержат демонстрантов.

У ребят подьем был настолько велик, что они не расстроились после этой неудачи. Было уже далеко за полночь, когда они внезапно налетели на другой склад, где хранилось оружие для полиции. Началась стрельба. У некоторых комсомольцев были револьверы. В свежем лунном воздухе далеко отдалась эхо пшавы, и в этот вечер в Мадриде было так же шумно, как на боевых позициях. Револьверов у ребят было мало, патронов и того меньше, а у противника всего вдвоем.

Ребята постояли и ушли. Унесли с собой раненых. Атака не удалась и здесь.

Но вот что важно: ребята понюхали пороку и различили боится выстрелов. Теперь уж, когда придется драться, будут драться как черти.

А главное — под шумок третьей комсомольской отряд налетел на склад охотничьего оружия и забрал там все, что можно. Неселена сия — охотничье оружие, но если какой-нибудь белогвардейский бандаст вздумает съехать куда не нужно, ему всадит полпушта дробь в такое место, что ему мясо придется или лежать на животе или стоять.

Потому что сидеть будет очень больно!

Сейчас, в момент, когда пишется эти строки, в Испании горят монастыри. Комсомольцы и рабочие-демонстранты не дадут несли бидоны с керосином. Этот керосин вполне пригодился для поповской братии. И сейчас, как клопы, мечутся по всем дорогам и закоулкам Испании выкуренные дымом несутны, францисканцы, кармелиты — жулики всех мастей, святые рыцари всех орденов.

Ярко пылают керосин, подожженный умелой рукой. Питна-дальше монастырей горят в Валенсии, семь — в Мадриде, десятки — в других городах и деревнях Испании.

Триста лет тому назад на кострах инквизиции так горели люди, осмелившиеся мыслить иначе, чем это разрешала церковь. В пламени этого пожараки горит навсегда проклятое прошлое Испании.

Зная советов уже полыхает над шерегами рабочих демонстраций. Оно поднимается и над всей страной.

И среди знаменосцев испанского Октября не последние место займут героические испанские комсомольцы.

песня

в германии запрещена

письмо из берлина

Ганс Эйслер—это имя достойно того, чтобы его знала рабочая молодежь Советского союза. Композитор-коммунист, композитор-массовик, Ганс Эйслер—одна из интереснейших фигур сегодняшней Германии. В своей работе он сочетает, во-первых, последние новаторские достижения современной музыки с требованием, чтобы музыка была ушной, массовой, публицистической.

Он против концерта, где разобщены исполнитель и слушатель. Он—за хор, и в хоровом движении Германии он ведет работу по созданию коммунистической боевой линии в многоголосных, но записанных хорных обществах с социал-демократической окраской.

Он—за массовость музыки, за ее приближение к массам средствами высочайшей сегодняшней техники.

Он—за радиомузыку и, в особенности, за граммофон. Борьба против развлекательной музыки, он и граммофон из средства оглушения рабочих мозгов превращает в средство их обучения и просвещения.

40000 пластинок продано в Германии с его маршем «Красный Веддинг». Сейчас этот марш запрещен.

Его музыка публицистична. Идут выборы в рейхстаг, избираятам раздают мыльца с надписью: Голосуйте за с.-д.в. и уже Буш, постоянный исполнитель эйслеровских песен на пролетарских эстрадах Германии, поет песню о мыле, о том, как «замыливать обывателя эсдековщину, о кровавых социалистических руках и о попытке умалить их пеней этого мыла».

Становятся безработные в очереди к биркам труда—и уже пишет Эйслер песню «о штемпельке!». Это не просто заунывный вой изголодавшегося рабочего, руки которого

↑ На карточке безработного штемпелем отмечены следующие часы из бирки труда.

коммунист-композитор ХАННА ЭЙСЛЕР (справа) и капельмейстер пролетарских хоров РАЙНЛЬ

в многолетних простоях забывают свою квалификацию—это одновременно и ироническое издевательство над блаженно-обывательскими песенками и мелодиями sentimentalного бюргера маленьких городков.

Больше всего на свете Эйслер ненавидит «кич»—так по-немецки называется чувствительная, пошлая sentimentalщина, рассчитанная на цехотание в горе, на пуск слезы. Он ненавидит не только немецкий «кич», но и русский—всекие «Из-за острова на стрежень», «Очи черные», все романсовую цыганщину, пошлые «Кирпичик».

Подходит немецкое рождество, и Эйслер пишет народню на популярный церковный хорал, музыкально вскрывает за умирительную внешность хорада урчание сытых жудюков и оскал самодовольных менцацких жорд. Вместо «ангельской» песни зазвучала песня пауков.

По Германии идут протесты против § 218, карающего аборт и запрещающего давать женщине (зачастую безработной пролетарке, уже имеющей 6-7 детей) советы, как уберечь себя от беременности; Эйслер пишет на слова поэта Брехта издательский диалог между врачом-опиономиком и работницей, пришедшей просить об аборте (песня в Германии запрещена).

Обрубки империалистической бойни запихивали в германской буржуазии по «штатгави» (приотом-богадельня), чтобы не напоминать о преступлении тем, кто его вновь организует. А Эйслеровский «Марш калек» тычет в зрачки народным кварталам страшные обрубки и ярчюа, грозящие революцией (песня в Германии запрещена).

Собирается интервентский поход против СССР—и уже пишется для рабочих колонн песня «На-чек», грозящая интервентам восстанием из их собственной спины.

Одним из значительнейших фактов музыкально-театрального порядка было представление на берлинской эстраде нового произведения Эйслера и Брехта—«Мероприятие». Это, по существу, инсценированный показательный суд, где масса в лице огромного рабочего хора судит об успехах и ошибках неслегкай коммунистической группы.

Сейчас Эйслер с тем же Брехтом работают над новой живой вещью эпохи мировой войны «Эстафета правды». Летом Эйслер должен приехать в Москву, чтобы принять участие в дискуссионной исследовательской и творческой работе музыкальных объединений СССР, а также для постановки некоторых своих вещей.

Т.

немецкий поэт БРЕХТ
направо: митинг протеста против § 218 в германии
фото с. претяккова

КОМСОЛЬСКИЙ завод

29 июня 1930 года на заседании бюро Заводского района ВЛКСМ гор. Грозного было решено взять в руки комсомола один нефтепереносный завод. Три месяца упорной борьбы с недобером хозяйственников кончились победой комсомольцев. 29 сентября, в 3 часа дня, завод № 7 стал ударным комсомольским заводом имени IX съезда ВЛКСМ.

Юрий данилов

Пятнадцать минут езды на траском автомобиле — вы в районе Грозного, где сосредоточены все нефтепереносные заводы.

Комсомольский завод тут же, недалеко от райкома.

То, что понимается под словом «контора», на комсомольском заводе превращено в клуб, явечку. Сюда в первую, после и до работы собираются ребята, балагурият, спорят. Здесь же бинокль собирают. Окончательно вытеснили контору заведующего заводом комсомольца Варварина. Оставили ребята ему только один стол. Варварин не жаалуется.

— Мне и этого достаточно, я ведь в конторе почти не скажу...

Из-за передачи завода комсомолу три месяца шел бой с хозяйственниками.

В этом бою победила комсомол, взяв завод в свои руки. Директор — комсомолец. И рабочие все тоже комсомольцы.

Завод не первой молодости, иногда во время работы случается остановка. Но комсомольцы не унывают.

Нужно сказать, — говорит тов. Варварин — что в идее организации комсомольского завода отнесся как к пустой затее. Заводоуправление выделило самую плохую установку, которая с минуты на минуту должна развалом. В первый момент хозяйственники дали было слово отпустить всех квалифицированных комсомольцев на этот завод, но как только дело коснулось перевода, раздумали:

— Не дадим. У самих почти ничего нет.

Штаб завода состоялся только наполовину из квалифицированных людей. Из 45 рабочих 6 девушек. Раньше чернорабочие — теперь сортировщики.

Никто еще не — дежурный инженер, — был стенописком, стенописки и — стенописки, чернорабочим на I-м заводе. Коженченко — насочник, чернорабочий. Комсомол выдвигает молодых нефтяников на более высокую работу, требуя взамен упорности и инициативы.

— А какое ваше суточное задание?

— До передачи завода комсомольцам 410 тонн, а теперь мы сами увеличили задание до 520 тонн в сутки.

— Ну, и что же... «перерабатываете»?

— Даже с извещением, — не без гордости заметил директор Варварин. — Мы перерабатываем 550—560, а то и все 570 тонн нефти... Додем до 600...

В середине октября завод стал на очередной капитальный ремонт. Комсомольцы быстро переключились на ремонт.

Бригады стенописков и сортировщиков стали бригадами слесарей и токарей. Стенописки заявили:

— Мы будем работать в помощь бригадам слесарей в две смены, чтобы весь ремонт закончить не в 14, а в 10 дней.

К молодому механику Добычу то-и-дело прибегают сортировщики.

— Васяка, скорее ищи требование из склад на фланцы и муфты, я то закрыл.

И Васяка горюпеш выводит требование, а комсомолец Радаван мчнется с ним а склад.

У директора Пети Варварина забол еще больше. Он лаяет по батареям, кубам, где копнотась слесарки, а в это время надирывается третей телефонный звонок.

— Петя... к телефону...

Ремонт завода производят восемь бригад, часть из них перероблена с других заводов. Все для того, чтобы в кратчайший срок закончить ремонт.

— После ремонта, — говорит стенописк Моргулаев, — я с гарантией буду отбирать 44 проц. светлых продуктов.

Батареи ремонтировали. Чеканики кубы, мелили кубовыми. Только устранился один недостаток, как вдруг обнаружилось другая какая-нибудь техническая «неполадка».

Еще при передаче завода коллектив молодых большевиков обязался:

— Будем ударно работать. Не только выполнять, но и перевыполнять задание — вот наш лозунг. Дадим в подарок IX всесоюзному съезду ленинского комсомола сотни тонн переработанной сверхплана нефти.

1 января, когда в Ростове-на-Дону проходила красная конференция комсомола, крайком ВЛКСМ получил телеграмму из Грозного:

«31 декабря 15 часов комсомольский нефтепереносный завод выполнил программу своего квартала т.чк Подарок IX съезду комсомола завод переработал 400 тонн нефти сверх программы. Директор завода Варварин Райкомом Заврайона Лещов».

Свое обещание комсомольцы выполняли.

Беднячку-комсомолку Прасковью Никитенку, прибывшую впервые в промышленный район, райком комсомола направил на комсомольский завод.

Девушка на заводе была впервые, и, уже работая сортировщицей, пулюго озиралась по сторонам, придавая таинственно-грозное значение каждой паричней муфте, каждому незнакомому выплывшему стучку.

Она отмахивалась руками и ногами, когда ее вводили в котельную для того, чтобы познакомиться с характером производства. Ребята над ней смеялись и называли в шутку «деревянной беспорочной».

Так было до тех пор, пока ребята не прикрепили ее к стенописку Зинявкину.

Зинюшкин упорно разъяснял Паше значение каждого винтика, каждой задвижки. И через два месяца Пашу поставили стенописком — лицом, ответственным за работу всей установки в течение вальты.

Не больше беднячки Паша знал о переноске учебник девятилетки Мадахова. Когда пришел на завод, в голове были всевозможные формулы. Но знания нефтепереносного дела формулы не давали.

Мадахова поставили масленщиком. Проработав он месяц, стенописк Морозов взял над ним шефство и в течение 10 дней дал возможность бывшему ученику девятилетки освоить технику перекоки нефти. Мадахов а стал стенописком.

В тесной спайке с рабочим классом, в непосредственной совместной работе куется новый тип специалиста-общественника.

На комсомольском заводе все специалисты — молодые, советские. Вот Шура Сыроваткин — лучший дежурный инженер-оператор. В последние дежурства Сыроваткина лучше работают батареи, больше отбирается продукта.

Не так давно завод имел отбор всего лишь 25 процентов вместо 34.

Сыроваткин, вместе с товарищами по цеху, отыскал при этом. Комсомольцы

выяснили, что качество нефти не соответствует заданию: товарная работа, вместо слабо парафинистой нефти, дает сильно-парафинистую. В нефти мало бензино-керосиновых фракций, больше мазута.

Предложили товарной конторе давать нефть нужного качества, научили режим установок и добились выполнения задания.

Вася Морозов работает стенописком. В Васе не остыл огонь молодого комсомольского задора. Все время он думал над тем, как лучше организовать систему работы, как лучше разбить комсомольцев по бригадам, как рационализировать таким образом производственный процесс.

На заводе бригады строились по специальности: масленщики составляли свою бригаду, стенописки составили свою, сортировщики — свою, и т. д. Отдельные рабочие работали в разное время суток. Учета соревнования не было.

Морозов предложил бригадой считать смену. По этой структуре строится учет работы.

Выработали специальную карточку, которая полностью отражает каждый рабочий день бригады.

Бригада Морозова назвала себя именем 1-го мая. Она показывает образцы настоящей ударной комсомольской работы.

А Вася с 1-го мая перевелся на должность дежурного инженера-оператора.

29 апреля, во вторую годовщину социализации, комсомольский завод показал подлинно-героические темпы работы. За сутки переработал 570 тонн нефти и отогрвал 41 процент экспортного бензина, тогда как предельный процент отбора установлен в 34.

Комсомольский завод достиг больших успехов, его взяли в свои руки люди, обладающие страстным желанием овладеть техникой — молодые большевики.

P.S.

Вы прочитали корреспонденцию Юрия Данилова о комсомольском заводе.

Знаете ли вы еще такие заводы?

Может, вы тоже работаете на комсомольском предприятии? Почему бы вам, в таком случае, не написать в «Смену»?

замысел романа

Клуб химиков в Семеновске—городок всей области. Внутри его, у лестницы вверх, можно видеть громадный стеклянный шар. Освещенный электричеством, этот шар-глобус дает красную картину земли.

Зеленое стекло передвигается волнами оксидов и морей, а от массивного СССР, на котором стоит Ленин, во все стороны устремляются стрелы революционного пламени.

Кино-театр, большой читальный зал и этот-памятник Илыву криво завязаны семеновские степкишкин.

Механизированные производственные процессы, завод ведет крупные успехи. Из Средней Азии поступил заказ на выработку для геологических стеклянных камер, погашающих лучи солнца. За-вод заказ выполняет.

На сдачу заказа отоманирировали инженера заводского ин-жирера, партийного Сверилова. Ознакомившись в Средней Азии с практическим использованием излучаемой солнцем энергии, Сверилов вернулся на завод точно с рабонного подбито. Он немедленно взялся за чтение каких-то малоизвестных книг, а затем связался с машиностроительным заводом, доставлявшим оборудование для предприятия.

На одно из занятых литружках он пришел с тогостепной истрепанной папке.

— Советскому Томасу Морэ—наше вам! Что, аль о планете своих утопических роман закончил? Как же говорить тогда буд-дуг—«коммунист-утопист»? Что-то не вяжется...

— Тебя никто и не просит увязывать, а романы я еще не написал и, может быть, писать не буду... Как, можно зачитать? Сверилов обратился к сидевшему за столом в распухнутой шинели руководителю литружки.

— Конечно, зачитать... Оплошности в твоём замысле есть, пусть критикуют покрепче.

— А Революция о социалистической фантастике... послу-шаем!—И Райковский уехал на поду в угол.

Сверилово первому предоставил слово для зачитки замысла его романа. Впервые в кружке подвергалась предварительной проверке пригодность полубрафика (сырого материала) для художе-ственного произведения. Многим это показало странная. Один уверял, что в таком случае старается творческое лицо писателя; другие беспокоились, как бы кто не воровал при таком порядке, и т. д. Но все-таки было что-то интересное в этом замысле коллек-тивного творчества. Шумная аудитория кружка при чтении насто-роженно притихла.

„Степнянские планеты“

Только вторая (концепция исторического развития) дает ключ и „самодвижению“ всего сущего; только она дает ключ и „скачки“, и „перерывы“ постепенности, и „превраще-ние в противоположность“, и „уничтожение старого и возникновению нового“.

Ленин. „К вопросу о диалектике“

...В жилищном и промышленном строительстве все боль-шее значение приобретает стекло. Историей заведствительности при-меры построения лишь из стекла и железа. Безъ это самый дешесвий, с неисчерпаемыми запасами „руды“, металл. Его можно выработать из одного песка, кварца. Его можно делать железным, свинцовым.

Уже добились значительных результатов в выработке стекла, уси-ленно пропускающего ультра-фиолетовые лучи. Сейчас работают над проблемой органического стекла, гибкого и легкого. (Зборное внимание: Голос! «Здорово!»).

...Еще в детстве (лет 10-12 назад), при разговоре рабочих о строительной технике, мне пришла в голову мысль о производстве «степнянских планет». Эта мысль постепенно формировалась. Я иногда не спал целыми ночами. На первый взгляд мысль эта кажется дикой и фантастической. Но когда я случайно неловко изложил по- физике, когда познакомился с литературой, я увидел, что здесь много необычного нет. (Мысль о жизни в воздухе на различных кораблях и т. д. уже проведена в ряде произведений, но я ставлю вопрос о практической строительстве степнянских планет). Вполне возможно, что будущий век будет степнянским веком, и сборочно-кубическое строительство заменится шифробразным как более рента-бельным и совершенным, потому что тогда не потребуются столько труда на сборку элементов здания, отделку, подировку и т. д.

...В природе форму пара мы наблюдаем всюду—от планет до распыленной капли стекла. Между прочим, зной и бад выди-лут проект построения планетина Ленину (Сверилова утратит высту-павший на абу от. У сверя движенье, пушущим).

Томас Мор—так звали английского писателя начала XVI века, нави-савшего знаменитую „Утопию“.

По уверению автора этого очерка тов. Астафьева, в городе Семен-овске недавно находился свой Томас Мор.

И социалонно, мы не знаем точного местонахождения города Семеновска. Известно только, что это новоевлинский Мор—член заводского литруж-ки и носит фамилию Сверилова.

Что же замышлат сделать Сверилов? Он замышлат написать роман. Наню? Об этом вы потрудитесь узнать сами.

Редакция, не входя пока намеренно в оценку выдуманного тов. Аста-фьевым-Свериловым романа, считает, что сам сплоч предваритель-ного коллентивного обсуждения авторского замысла достоин всяче-ского внимания.

Рабочие молодые литружки должны подхватить хорошег начи-нание литружки неизвестного нам города Семеновска.

...Что же нам может помешать выдуванием стеклянных шаров хотя бы по 100—200 метров диаметром? Выдулы ли планеты из органического стекла или из степнянского вещества, но они будут необычайно прочны и гигиеничны. Для их производства потребуются лишь соответствующей величины выдувательные механизмы и под-держка на требуемой площади соответствующей температуры, так как при таком большом объеме расплавленной масса будет остывать быстрее.

...Человечество в бешеных поисках «эмпирейской» идет на все. Сейчас уже в некоторых странах люди лезут в землю, соидают плотины и т. д. (Кто-то шумно чихнул. На задних ступях оживле-ние, скрип, шорох).

...А что может быть, когда удачится багосостояние всего протеритра? На XVI партсезде Сталин приводил цифры увели-ченного прироста населения СССР в сравнении с приростом в дерево-лодной российской империи.

...При социализме, по-моему, в связи с полным раскрепоще-нием женщины немисимо искусственное торможение роста народо-населения (за исключением болезненных явлений)—тогда в этом не будет надобности. (Кто-то кашлянул). И когда жизнь удачливее обще и возмезт все наука, уничтожаются болезни и преждевременные смерти.

При существующем строительстве человеку необычайно трудно завоевать воздушное пространство. Шаробразные же планеты или здания при надобности мы сможем поднимать на любую высоту. Строительство их предполагало два вида.

1. Двойные планеты: верхнюю из них, допустим, накачем легким газом, в силу чего она подымется и поднимет вместе с собой пришенную к ней планету, которая будет служить человеческим жилищем. (Райковский чешет голову: «Ого-го-го. Загнул... Смех. Эвонок руководителем собрания свиряк»).
2. Однорядная планета. Ее мы можем посадить на гнездо стальных треножников.

...Внутреннее устройство планет я мыслю не однообразным. В одних могут располагаться предприятия и служебные учреждения, в других—очаги культуры, отдыха, как-то: планетарий, обсерватория, читальня, театр, кино и т. д. В связи с предзнаменованием будет меняться форма планеты.

...Средством общения жителей этих планет с землей и со своими соседями будет служить хорошо развитый воздушный транспорт. Ко второму же типу планет можно приспособить также своеобразные конвейеры, лифты и т. д. (Сверилов размахисто берет го-розынты. Воздухун идящий вперед фазбаз, поправляя португале).

...При современной технике и энергетических средствах это производство в больших размерах и с определенными предзнаоче-ниями невозможно, но нам на помощь приходит геотехника, заво-свояющая центральную силовую станцию и источник всех энергий—солнце.

Я ставлю вопрос о путях достижения интернациональной культуры, об освобождении пустынь от песков, о добыче удеше-вленного легкого газа и т. д. Необходимо будет принять предохра-нительные меры по отношению к неблагоприятным явлениям при-роды: буриям ветрам и пр. Производство планет могут также пред-ствоять экономическое и политическое деление стран и класси-ческие противоречия, последние при возможности производства этих планет непременно усилятся. (Общее удивление, оживленный гул, споры, одобрение. Голос: «Верно. Небольшое затишье»).

Я думаю, сейчас не целесообразно намечать структуру ро-мана и взаимоотношения его действующих лиц. Все это будет меняться в процессе работы. Все разговоры и записки о будущей жизни я постараюсь перевести в возможные мне художественные образы и привести их в необходимый порядок...

Что такое мечта революционера?

Когда руководитель кружка спросил желающих выступать по порядку, первый взял слово секретарь партячейки.

— Это хорошо,—сказал он,—что Сверилов не скрыл от нас своего замысла. Если бы написал он этот роман, то получилась бы не художественное произведение, а мечта sentimentalного ин-женера, который, не желая участвовать в настоящем строительстве, занимается голыми абстракциями.—Секретаря слушали внимательнее, чем Сверилова.

Наша страна переживает переломный момент. Классовая борьба принимает острые формы. Выкрываются контрреволюцион-ные

организации, обнаруживается гнусность мировой буржуазии по отношению к стране, где у власти пролетариат. Следовательно, наша классовая бдительность и вли в какой мере не должна распыляться. У нас сейчас все должно быть строго классовым... Этим я и не хочу сказать, что нам совершенно не нужно писать о будущем. Ленин говорил, что мечтать полезно, но нужно и вли мечтать. Нужно контуры будущего связывать с задачами настоящего строительства и с задачами мировой классовой борьбы. Вернее, нужно и можно писать о том, что порождает сегодняшнюю действительность. Потом нужно дать совершенно иное понимание всего мира. Ведь, главное при социализме—это более совершенные человеческие взаимоотношения. И Свердловю, если он хочет писать об этом, необходимо в повседневной работе запастись культурой и углубленным знанием своего класса.

— Я тоже скажу про Ленина,—подвигаясь к соломенного цвета старый рабочий Федоров с морщинистым огуловатым щеками.—Вот мы за революционную работу и науку поставили нашему вождю памятник. Предложил это сделать Свердловю. Все хорошо. Но и ленинская партия говорит: без упорного напряжения и сил и социализма не достигнем. Помните, когда ликвидировали тюрьмы, два комсомольца из этого цеха порезали себе руки и упорно стояли на работе да смеял. Я хочу сказать Свердловю, чтоб у него пролетариат был больше этих самых планет.

— Слово имеет Немтышев,—сказал руководитель.

— Я, как редактор нашей газеты, с отгорением должен констатировать: в материале мы ощущаем недостаток, от наших писателей ничего никак не дописались, а тут вы нам какие вещи подаете...

— Вдохновение,—вставил кто-то.

— Вдохновения, конечно, не мешает,—продолжал Немтышев.—Но я все же Свердловю сделал несколько практических замечаний. Во-первых, ками бы глаом, отчасти планетизм, но такое тяжкообразие поднять невозможно. Конечно, наблюдатели и прочее можно пустить за атмосферу, но что касается небесных канцелярий, то это и нецелесообразно. Их можно оставить на земле...

В связи с развратным походом за овладение техникой мы должны отметить много положительного у Сверделю. Он затронул ряд злободневных технических и научных вопросов, он правильно отметил, что на шарообразные дао будет меньше затрачиваться труда, значит у человека больше останется свободного времени на культурные потребности и т. д.

С заключительным словом выступил руководитель «кружка (речь его значительно сокращена).

— Я не знаю, сознательно ли Свердлов взял эпиграф из Ленина, но диалектика вещей им отчасти понята правильно. Я говорю отчасти, потому что это еще не говорит за объективное существование планет. Суть не в них, а в утопии как таковой. Это весьма сложный жанр литературы. Может быть, отчасти планетизм, но наш рапповский писатель не брался за утопическое роман. Но левовцы, страдающие схематизмом, в утопию частично ударились, в частности Маяковский, когда он идейно был левовец. Этим я не отрицаю достоинства Маяковского как революционного и под конец талантливого поэта. Его песни «Блины» и «Клюн» в последних частях утопичны, люди в них показаны слишком односторонне, пример тому Присыпан—универсальный мешанин.

При социализме, как известно, вся энергия будет направлена на борьбу с природой, берясь теперь за роман о будущем, писатель зачастую игнорирует идущую классовую борьбу, процесс завоевания пролетарской диктатуры, без чего немалым переход к социализму.

В основном мы не против утопии, но все-таки это уход от действительности. А главное—нам нужно отображать настоящее строительство, в сегодняшней действительности находить будущее.

Фондирование замысла

— Вот для того-то я и считал вас своим наметку,—воздух, заговорил Свердлов, —чтобы вы отнеслись к ней критически. Теперь я во всем расхожу выку свои промахи и недочеты. Но я от действительности не отрываюсь... Я писал очерки и рассказы о нашем заводе и продолжаю их писать. Но к творчеству меня побуждают эти планеты. Конечно, в этой схеме я не могу выразить все, что накопилось у меня для написания романа, и поэтому мои планеты могли вам показаться чем-то вроде шарообразных дао Америки, которые порождаются разложением капитализма... Мне подали два вопроса:

1) Скажи, Свердлов, что заставляет тебя писать утопию о планетах, а почему бы не описать тебе стеханикий завод будущего? Какова твоя цель?

автор и редакция спрашивают читателя

Художественная литература в процессе ее создания до сих пор у нас—личное дело писателей, которые до сдачи в редакцию своих «творений» зачастую хранят их в секрете.

При таком индивидуализме возможны крупные ошибки. Иногда затраченная энергия целиком пропадает без пользы.

Усть в виде встречного плана читателя «Смены» по-деловому обсудят замысел еще непубликованного романа Сверделю.

мы спрашиваем вас:

- 1) Правильно ли обсудили этот замысел кружковцы?
- 2) Нужно ли вообще при сегодняшнем напряженном строительстве и при оборонной классовой борьбе писать о будущем?
- 3) Правильно ли Свердлов поставил вопрос о социалистическом фантастике и, в частности, правильно ли он повял Лениня?

2) Почему ты думаешь, что будишь шаровые планеты? Дай неболонное научное обоснование.

Начну с последнего: Шаровые планеты будут безусловно не потому, что я о них писал в прошлом, а потому что они явятся исторической необходимостью.

Вас многих интересует, как, мол, в круглых шарах будут устроены перегородки, ворота, двери. Все это чрезвычайно интересно, но это не главное. Мои замыслы: развитие техники в капиталистическом обществе поставлены пределы. Многие изобретения, облегчающие человеческий труд, остаются под судом только потому, что они невыгодны для предпринимателей. А при социализме человек стремится как можно меньше затрачивать бесполезного труда и энергии. Вы выните в такой вопрос: сколько сейчас затрачивается непропорциональной энергии на постройку здания, собранного по кирпичику по камушку, из глыбы, бетона, цементу, известки и протербо? А если будут громадные выдувательные механизмы, эти стеклянные заводы будущего, то сколько сэкономит энергии?

Мне могут возразить: «Позволь, уважаемый, твои планеты сферической формы, ты подражаешь природе, а не преодолеваешь ее, ты не преодолеваешь стихию». Почему я взял шар, а не куб с теми же равными боками? Потому что при выдувании ялассе тело приобретает форму шара. Но у шара кривые стени. Как мы можем устранить их чрезмерную кривизну? Возьмем небольшой стеклянный шарик. Стени у него кривые. Но если этот шарик увеличивать, то мы увидим, как одновременно выпрямляются его стени. Кривизна стенику у большого шара еле заметна. Наглядный пример—наша земля.

Теперь первый вопрос.

Я уже сказал: мысль о планетах у меня родилась лет 10—12 назад. Следовательно, вернее спросить, не что меня заставило думать о планетах, а что заставило. Я думаю, будет небезынтересно обрисовать обстановку, породившую эти планеты.

В то время я жил у одного планетника подручным—из-за брехух, как говорится. Однажды вечером хозяйка дала мне ведро сырой картошки к утру начинить, а сама с ребенком ушла к соседям на посиделки. Я один в душой мастерской перед салыной котлованкой исполнил эту кропотливую, изнуряющую работу. Хозяйка же с планетниками, строившими ему шары, в горнице наверхляла магарух. Искра до меня доносилась пьяные голоса.

Наконец у меня лопнуло терпение и я потихоньку пробрался в горницу.

Один из планетиков, участник японской войны, любивший в Китае и Японии, рассказывал о птолах и дождях—жидких китайских бедняков. Он рассказывал о густом населении Японии, о разрушительных землетрясениях.

Пригнутаюсь у порога, я упорно тиснула уши, стараясь не проглотить ни одного слова. Но на мое счастье другой планетик, влившу чашку водки, самонаем, каким-то образом поперхнулся и ошпарил хозяйка с ног до головы. Раздался смех, не утерпел и я.

Обозленный хозяин обернулся, увидел меня, как щенка хватывая за шиворот и выбросил в сени.

Я отучился снова перед ведром нечистой картошки. Не могу сейчас выразить, как чортовски я был обиден. Но ничего реального предпринять не мог. Засылая, укутанный лицом в ведро, я старался придумать для китайцев и японцев лучшую жизнь. И помню: как-то туманно, бесформенно я представил себе планету.

Конечно, они были совсем не похожи на планеты, описанные в моем замысле. Теперь я себе ясно представляю будущую свою планету. Теперь я знаю, что последнее слово мировой революции скажут многомиллионные народы Индии, Китая, Японии, рабы мирового империализма. И свои планеты я сделаю лишь фоном для развратывания действий, фоном для разрушения капиталистической эксплуатации.

Моя задача—разгромить гнусное порабощение цивилизованной буржуазией мало развитых народностей.

(Нгу) и разошелся, прямо в зябь ударяет,—нарушил кто-то общую тишину).

У меня, как говорится, «нет отчества», но путь всего продолжаться не может. Страна, строящая социализм.

В заключение, о планетах. Главное дело-то не в форме зданий, конечно. Но было время, когда процветал готический стиль. Устремленные в небо башенки были характерны для эпохи с высоко развитой религиозностью, мистикой. При социалистическом же обществе человек имеет полное представление о вселенной и ее устройстве. Эти шарообразные громадины будут гармонизированы с научным мировоззрением человечества. Приняв ваши ценные замечания, я думаю, что в дальнейшем роман напишу. Конечно, эти заметки только лишь подготовка к действию. Нужен большой труд и нужна не меньшая культура, чтобы показать в живых образах социалистическое общество.

Ждем ваших ответов.

Все objections и возражения будут напечатаны в «Смене».

Обсуждение романа продолжается.

кто просит слова?

большевик — критик — боец

б. мейлах

Литературный арсенал пролетарского писателя и рабочего-литкряновца обогатился новым оружием. Институтом Ленина полностью переизданы литературно-критические статьи старого большевика В. В. Воробского, в последние годы своей жизни работавшего за посту полпреда СССР в Италии и убитого в 1922 г. белогабардейцами в швейцарском городе Лозанне. Эти статьи тов. Воробского, равно как и книжка Д. Бедного, о которой мы писали в предыдущем № «Смены», помогут рабочим-ударникам, берущимся за оружие художественного слова, разобраться в сложных вопросах литературной жизни.

Когда класс обречен истерией на смерть, когда нет у него перспектив и надежд на будущее, люди устремляют глаза к небу.

Мистика, страх перед грядущей неизбежной катастрофой, глубокой пессимизм, кровавая смарность, — вот содержание литературы русской интеллигенции после поражения 1905 г. Неземная, таинственная, неуловимая «прекрасная дама», занимавшая столько места в поэзии Александра Блока; реакционная клевета на революцию и революционеров в романе Сологуба «Наша чары», порнографические похождения аристократического Санина, — вот что занимало «лучшие умы» того времени.

Тогда же и появились первые литера-

турные фельетоны и критические статьи В. В. Воробского — острые, блестящие, гневные. Профессиональный революционер, отдавший все силы партии, он выкрасил из своего скудного бюджета времени немногие часы для литературно-критической работы, беспощадно борясь с врагами пролетариата и на этом участке идеологического фронта.

Опубликование полного собрания литературно-критических статей Воробского является большим событием литературной жизни. Теперь, когда развертывается творческая дискуссия, когда в пролетарскую литературу вливаются новые отряды признанных-ударников, работы Воробского приобретают для нас новую ценность, помогая формированию подлинной марксистско-ленинской критики.

Критические статьи и фельетоны Воробского прежде всего отличаются строгой партийностью и классовой заостренностью. Во всех своих литературных работах он остается критиком-дубишником. Это в корне отличало и отличает его от критиков-меньшвиков. Для меньшевистской критики характерно стремление отдалить политику от остальных областей идеологии, сделать литературу автономной. Крупнейший меньшевистский критик Переверзев в своих работах упорно доказывал, что литература ничего общего с политикой не имеет, политика не может влиять на творчество писателя. Воробский же, действуя методом диалектического материализма, сумел показать влияние политики на творчество писателя.

Когда после 1905 года писатели интеллигенции — Андреев, Сологуб, Арифабьев и др. — начали всерьез поговест революционеров и агитировать за уход из политики в обывательский и «потусторонний» мир, Воробский резко выступил против них. Он показал тесную связь их реакционного творчества с политикой буржуазной царской России.

Но при публицистической заостренности своих работ Воробский никогда не забывал об особенностях художественной литературы, отличающих ее от других видов идеологии. Определив идеологическую роль писателя, подробно разбирая содержание, он всегда анализирует также и форму его произведений.

«Подобно тому, — пишет он, — как эволюционировала мысль Л. Андреева в унисон с идеями интеллигентии, эволюционировала и его художественная манера творчества и письма. Ибо художественная форма и стиль тесно связаны с мыслью автора и неизбежно должны следовать всем ее изменениям».

У Воробского нам следует учиться четкости применения диалектико-материалистического метода и анализу литературного материала. Он рассматривает творчество писателя не статично, а в движении. Он всегда помнит, что в процессе участия в общественной жизни человек переделывает себя, изменяет свою идеологию, психику.

Так, в статье И. С. Тургенев как общественный деятель Воробский показывает, что Тургенев, несмотря на яркую классовую направленность его творчества, все же сумел относительно правильно изобразить в романе «Новый Соломин» классово-чуждого дворянству представителя промышленной буржуазии. Какой грех с точки зрения Переверзева, утверждавшего, что художник не может выйти из заколдованного круга образов своего класса! Ведь по Переверзеву писатель может изображать только представителей своего класса.

Разумеется, не следует забывать, что литературную работу Воробского необходимо рассматривать исторически. Ведь в те годы марксистская критика лишь зарождалась. Поэтому в статьях Воробского иногда встречаются неверные формулировки. Например, он неправ, говоря, что «тенденциозность» мешает объективности творчества, или утверждая отставание литературы как вечный закон. Но эти отдельные ошибки вовсе не снижают остроты ценности работ Воробского, в которых совершенно правильно разрешены важнейшие проблемы марксистской критики.

Литературно-критические работы В. В. Воробского должны знать каждый начинающий писатель, каждый ударник, призванный в литературу. Марксистская критика, безусловно, много позаимствует из литературного арсенала Воробского. Необходимо думать его произведения в массы читателей. ГИХЛ должен издать избранные сочинения Воробского массовым тиражом.

Второй том сочинений Воробского, выпущенный в этом году, содержит все его критические работы, а также подборку наиболее интересных комментариев, которые облегчают усвоение его и неподготовленным читателем.

Страна, встающая из развалин

адалис

Однажды ее уже пробаовали стереть с лица земли.

Национальная резня кончилась в двадцать третьем. Мусаватисты бежали через Пиванский перевал. Страна, граничащая вплотную с Персией, осталась покоренцем, грудой земляных развалин. На всей территории мадьярской республики осталось, говорят, всего один неповрежденный дом. Он стал штабом революции, он приютил Совет народных комиссаров и главные учреждения молодой страны. Все население приспособилось жить в развалинах со скворчниками и землей: кто без крыши, кто без четвертой стены, кто в глиняной скворчине, из которой выход—по приставной лестнице или наскоро уложенным один на другой камням... Еще в 1927 году страна казалась пепельно-серым морем развалин.

— Это та страна, и тот год, о которых рассказывает партизанин, приехавший из центра:

— Я спросил встречного, говорившего по-русски: — Почему во всем городе, на всей дороге так пахнет гарью и чем-то еще?.. Как будто утюг везде...—И человек ответил:

— Наша страна—сплошное кладбище, и трупы плохо захоронены: они мало засыпаны землей, они прямо под ногами.

— Это та страна, о которой рассказывает красноармеец-партизанин, Василий Радов:

— Красная армия вошла в город усталая, голодная, больная малярией. И первое, что сделало население,—всклинуло нам чай. Но чай был без сахара, которого мы, ясно, не требовали, не просили. Нам рассказывали, что от одного горшка сахара не оставалось во всей стране. На следующий день в штаб принесли около фунта кишинца. Мне досталась, для смеха, одна кишинщина. Я спрятал на вечную память. Вот какой это был кишинщ!

— Молодецкий паренек из аула Джаргы был в городе, когда вошла Красная армия, и видел, как мы шлем несладкий чай. Паренек намкою не сказал ни слова и побегал к реке Аракс. По реке Аракс проходит граница Персии. Он перешел границу, как контрабандист: по нем страдала персидская стража. Он вошел в Персию и побегал по ней: перед ним выросли огромные неизвестные горы. Не зная дороги, скользя над пропастью, он блуждал по горам, пока не встретил деревню, где ему дали маленький мешок кишинца.

Обратная дорога была еще трудней. Сильный ветер сбивал с ног. Парень потерял путь и вышел к Араксу, вблизи кордона. Персидская стража, стрельба, пошла в мешок, и кишинщ стал высыпаться. На Араксе крутило, вода заливала глаза. С советского берега стрельба советской стражи. Первый красный пост встретил контрабандиста огнем. Парень вышел невредимым: Он принес Красной армии фунт зеленого кишинца. Сейчас он работает в одном из небольших колхозов: он давно перешел комсомолом в партию. Его зовут Юсуфов Умар.

— Это страна, о которой мы читаем: сильнейшее землетрясение разрушило города и аулы. Сотни убитых, тысячи людей без крова. Миллионы поселков сравнено с землей.

О ней читаешь редко, слышишь еще реже. Между рассказом партизанина о сплошном кладбище и газетной информацией о землетрясении—промежуток в пять лет. Для того, кто видел страну в 1926 году и в 1930, кажется чудом ее рост.

Земля, питавшаяся долгие годы кровью, вместо испарившейся или упавшей из испорченных каналов воды, земля, для которой национальная резня была оросительной системой, а вода—великим сокровищем покровта водной степи, питающей хлопок и хлеб. Нахичеванская автономная ССР—область семидесятипроцентной коллективизации.

Город Нахичевань-на-Араксе—недавняя развалина гражданской войны—сплошная повостройка. Нахичеванские солдаты разбобки, богатейшая и персованная нахичеванская сера, медь и свинец—в сержиднем и завтрашнем дне нашей индустриализации.

Еще несколько лет тому назад не было хлопка в Союзе

хуже нахичеванского, винограда—жестче и кислей. Малая урожайность не беспокоила крестьян: она вошла в привычку, как темота, как грязь, как религиозный фанатизм. Четверть хлопкового урожая была законченной долей полевых вредителей, как бы черновой действительной чоры—хлопковой чуме. Есть местности, где рабочая сила земледельцев равнялась одной своей половине, потому что часов с десяти утра до трех-четырех для населения дежало ничком, изнывая и корчась от повальной злокачественной малярии, и малярия носила имя «шарская лень». А еще были местности, где население сотнями следало от трахомы.

В 1931 г. мы имеем перовосортный нахичеванский хлопок, пикосортный виноград. Заблеваемость малярией уменьшена на 55%, трахомой—на 70. Это гигантский качественный рост. Трудно получить о нем представление, не побывав на месте. Живой образ этого качественного роста—вот он.

В перулах крытого восточного базара—в подумрке, в нищете среди глиняных гнезд первобитной торговли—неожиданно европейское ояло, европейская дерь. Ты входяшь (стави ую открыты, хотя только семь часов, а восточный базар просыпается поздно) и дивленно глядишь: длинный стол, крытый красной тканью, портрет Ленина, убраный свежими ветками усугонного дерева, девятидольно-восемидцати лет, разоваривают, пишут. Это кака-нибудь из городских комсомольских ячеек, смешанных с пионер-традам? Что делают здесь комсомольцы? Раз—они учатся читать; два—они думают; три—они смотрят на базар. Они записывают, едва умея держать карандаш: кто что продает и сколько, кто и в каком количестве привозит из сел, кто торгует контрабандой, кто изучает по проверке сердца. У них не было правильных записей, потому что они не умели писать, не было правильного подсчета, потому что они не знали арифметики. Они приходили в свой центральный штаб и невразумительно жаловались на непорядки. Штаб комсомола помещался при крайком, на городской лошади, напротив сквера, такого высокого, что листья деревьев стукали, как костяшки, а трава скрипела и ворчала под ногой. В крайком комсомола было людно. Ребята, не по-молодому суровые и озабоченные, делали военное дело: они разоворачивали борьбу за классовое расслоение в ауле, борьбу, в которой смерть от кулацкого ножа казалась вполне естественной. Они еще не умели агитировать—их агитацией были горчанинские крики, песни и героическая смерть. Организовывать они тоже не умели—десятки деревенских ячеек жили без плана, без заданий, жили одним темпераментом, песнями и рукопашной борьбой. Эти ячейки создавались без отбора, изо всех, кто сочувствовал, кто смутно ощущала негодность старого бита или покорился с родителями. Естественно, что они распались. По существу, в ауле комсомола еще совсем не было. Едва 5% молодежи было охвачено комсомолом. Комсомольцы и пионеры—это было почти одно. Единственная база комсомола—педагогический техникум и несколько школ.

— Но сейчас 1931 год.

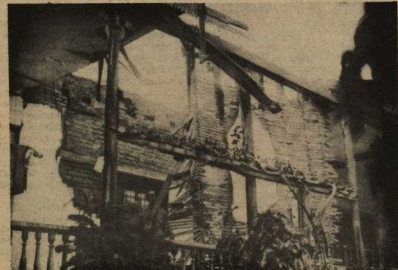
Сорогаты, заманенный товарищ в барашковой пальтке спрыгивает с коня, отводит его в стойло и возвращается к спору, прерванному три часа назад для поездки на смотр ударной объединенной пионеротрядов. Он объясняет идеологию правого уклона агротехнику, приехавшему из Баку.

— В теории туман,—говорит комсомолец,—народоловство, а на практике разрушение перед кулацкой опасностью... Четыре года тому назад он пришел на базар, в первую подлающую ячейку, пришел подлогодий, дикий, покрытый грязью, просить о заступничестве перед хозяином, у которого он служил пастухом. Шестеро мальчиков из десяти засаженных тогда в этой глиняной лужке—сейчас взрослые, хорошо подкованные партийцы в ячейке сельхозрабочих. Два—в ячейке крайпланца, чужко направляющего страну по путям великих работ. Один оказался чужком. Один убит в ауле кулаком.

Тысяча четыреста комсомольцев в нахичеванских организациях вместо трехсот в 1925 году. Так выросла молодая страна.

Землетрясение действовало по примеру мусаватистов и дашнаков. Страна знает свои силы.

Совкорком Нахичевань говорит:—С той помощью, которую советская общественность оказывает жертвам землетрясения, республика не собьется с шага, республика вырвет свой план.

направление

удара

аш

Г. ЛЕН

«Дух божий не знает никаких инструкций», торжественно провозглашает папер Антуан. Т.е. кое-какие инструкции имеются — не укради, например, «не убий» — и имеются они в священном писании, в Библии и евангелии. Но это — для папсты, для широких масс. А для смиренных служителей церкви, устами которых глаголет бог, существует одна лишь инструкция: всемирное участие в борьбе капитализма против рабочего класса и против СССР. Разумеется (это так очевидно, что и говорить об этом много не приходится), и о своем собственном кармане рабы божии при этом не забывают.

И вот — идет избрание папы. Священный конclave, собрание кардиналов, превращается в базар: бесконечные перебранки, подкупы, ругань. Но после того как лапа избран, после того как на престол наместника Христа восседает наиболее энергичный и ловкий кардинал, картина меняется. Все сплываються вокруг нового главы воинствующей церкви, на глазах у изумленной публики папский трон преобразуется и становится громадным танком, и во зрительному залу, выбирая объекты для нападения, пробегает ослепительно яркой луч прожектора...

Так кончается спектакль «Миллион Антониев», поставленный студией Малого театра. Этот спектакль — одновременно и забавный фарс и сдвиг памфлет. Театр ограничил себя сравнительно узкой задачей. Один из отрядов готовящейся церкви нас интересует — католическая папство, — и театр показывает нам некоторые черточки из, так сказать, «внутрней жизни» князей церкви. Вот они, идеологи капиталистического мира, любитести!

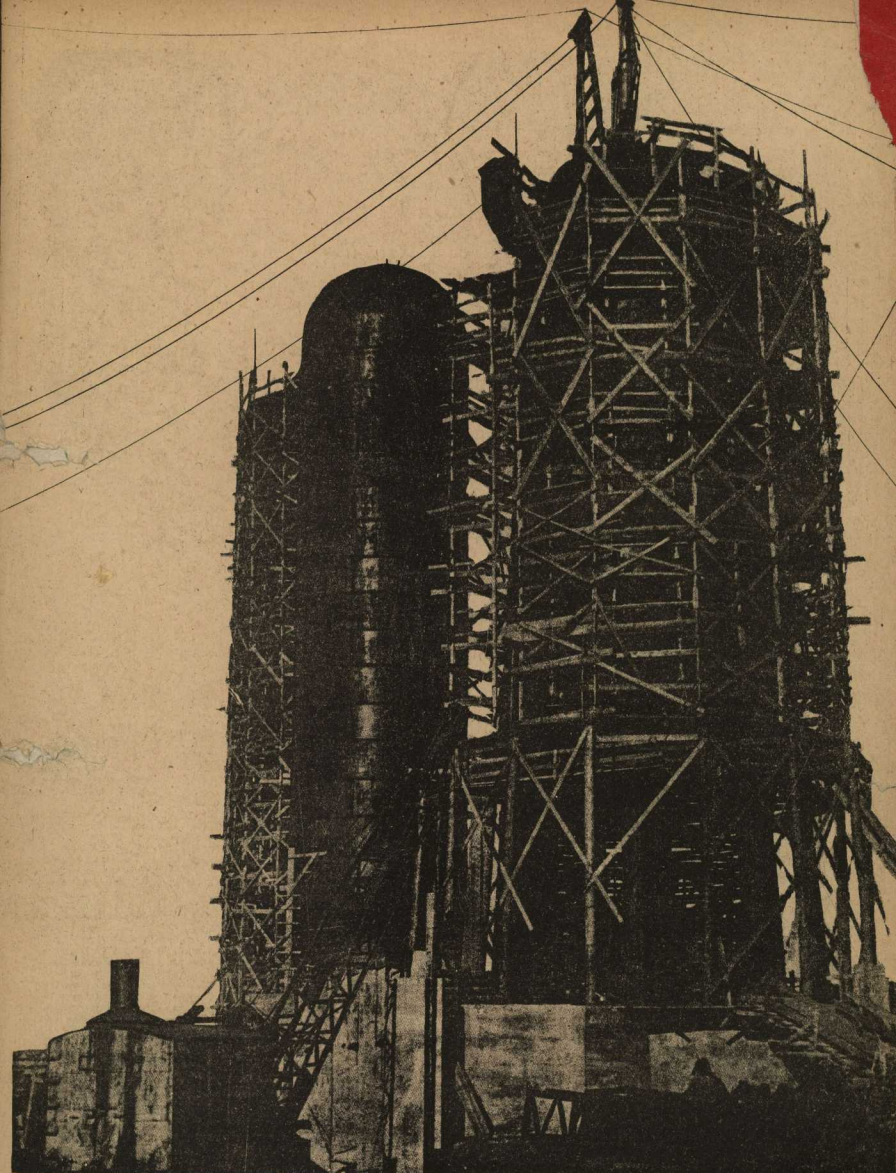
Перед зрителем ставится со всей парадоксальной резкостью, свойственной сати-

ре, вопрос: в праве ли бандит Джим Байуотерс, убивший двенадцать человек и одного папстера, претендовать на папский престол? И оказывается, что — в праве. Прошлое Байуотерса, уголовное преступление, обещавшего от электорского стула, несколько необходимо для лица, претендующего на столь высокий пост, но зато по своим моральным качествам оно ничуть не уступает другим. А сорок миллионов долларов, которыми он обладает, это, знаете, тоже не пустяк.

«Карьера» Байуотерса, разгерметизирующаяся на театральных подмостках, явно неправдоподобна. К Джиму Байуотеру, заключенному в камеру смертников, приходит папер и приносит в дар от общества спасения погибающих душ икону св. Антония. Джим гладит этой иконой священника по голове, меняется с ним одеждой и в качестве папстера Антуана из Мексики выходит из тюрьмы. Затем Байуотерс становится каледаном общества спасения погибающих душ, устраивает при помощи своей любовницы, проститутки Мэг, чудеса и мимомодом приводит дам — патронесс общества в восхищение своими мускулами. Дальше больше. На девяти выжившей в электорного папстера мкс с Старботва, председатели общества, Байуотерс устраивает грандиозную фабрику икон (миллион Антониев в день) и обнаруживает недожимные коммерческие таланты. И, наконец, покупка кардинальского места и избрание в папы. В последнюю минуту священный конclave узнает, что избранный им только что папа — убийца и бандит, но тем не менее увеличивает его папской тиарой: согласно постановлению соответствующих соборов, папа неогрешим, а кроме того, нельзя устраивать скандала, когда вперед более влиятельный — интервенция против Советского союза.

Карьера, как видите, неправдоподобна!.. Но совершенно правдоподобно — и в этом оправдание спектакля — выход, к которому приходит и кардиналы и публика: уголовный преступник — впадет подходящий для святой равноапостолической церкви папа. Если сравнить его с кардиналом Мювроским, ставленником нефтяного синдиката, или с кардиналом — епископом Ахелли, то он окажется более энергичным, более умным (еще бы, профессия требует), а то сразу в лапы полиции попадешься!) и более «переловым».

Направление удара обозначено театром достаточно отчетливо. Но тем не менее оказались недовольные. В ряде рецензий, появившихся на страницах нашей печати, был повторен один и тот же упрек: «Миллион Антониев» не антирелигиозный, а лишь антицерковный (антицерковский, антипапский) спектакль. Как будто можно механически отрывать и противопоставлять друг другу пропаганду антирелигиозную и пропаганду антикапиталистическую? Несомненно, разоблачение религии в самых губительных ее основах — одна из важнейших задач пролетарского искусства. Несомненно также, что борьба с религией неразрывно связана с борьбой против капиталистического строя, идеологическим выражением и идеологическим оружием которого является религия. Студия Малого театра правильно поняла эти связи, хотя борется она только (?) против церкви, этой верной служанки эксплуататоров и интервентов. Борьба эта проводится ею талантливо и темпераментно, удара, наносимые ею, весьма ослепительны, и необходимо резко одернуть тех, кто пытается под всеобщими благодетельными предлогами ослабить силу этих ударов.

на снимке — знакомые очертания домы, это домна № 2 кузнецкого металлургического завода, сейчас на ней заканчивается установка газопровода.

уки — эти три буквы теперь знает каждый, уки — урало-кузнецкий комбинат — первый мощный комбинат, строящийся в условиях социализма, он является не только комбинатом угля и металла, но и комбинатом промышленности

в ближайшие годы ленинский комсомол будет насчитывать в своих рядах не три миллиона, а примерно миллионов восемь или десять. мне скажут, — загнул. возможно и загнул, но мы не загадываем, а подчеркиваем тенденцию роста, и подчеркиваем не для красного словца, а для того, чтобы оттенить те колоссальные перспективы в вопросах роста, которые перед союзом открываются.

а. косарев, из доклада на IX съезде влксм.

**комсомолец
украины,
москвы, урала!
за дело возьмись
горячо
вовлекли 300.000
этого мало,
вовлечем
миллионы
еще!**

молодые ударники, ученики ФЭУ заводов «Мосэлектрон» и «АМО», ТРИФОНОВ анатолий, ГАПЧИНСКИЙ юрий, КРИВОНОСОВ иван, БЕРЕЗИНА анна, ГЕНДЛЕР михаил, вступившие в ВЛКСМ.